Преследование Афонских монахов Константинопольской патриархией. Свящ. Патрик Рансон.

[Преследование Афонских монахов Константинопольской патриархией. Свящ. Патрик Рансон. (ru.)]

Предисловие переводчика

Издательство Святая Гора выпустило в свет перевод официального обращения, изданного Свящ. Кинотом Афона в Карее в феврале 2003 г. под названием «ПРАВДА О «ГОНЕНИЯХ» НА ЗИЛОТОВ, ЗАНИМАЮЩИХ МОНАСТЫРЬ ЭСФИГМЕН НА СВЯТОЙ АФОНСКОЙ ГОРЕ». — Издательский Дом «Святая Гора», 2003 г. Перевод предваряет краткое предисловие издателей, объясняющее цель издания этой книги. А именно, русские издатели обеспокоены вниманием российских СМИ к церковному конфликту на горе Афон, обострившемуся в начале 2003 г., между афонскими зилотами, занимающими Эсфигмен, и вселенской патриархией и Свящ. Кинотом (или управлением) Св. Горы. По мнению издателей, авторы публикаций в российской прессе тенденциозно и некомпетентно трактуют факты и неоправданно встают на сторону гонимых зилотов, что влечет, по мнению издателей, «соблазн в душах верных, но зачастую не искушенных чад Русской Православной Церкви и их подталкивание к гибельной пропасти раскола». Издатели надеются дать «подробную и объективную информацию», чтобы «помочь русским людям отличить истину от лжи и утвердить их в священной ограде Единой святой Соборной и Апостольской Церкви». Заканчивается предисловие возгласом Аминь.

В этом Обращении Кинот излагает свою точку зрения на феномен афонского зилотства, начиная его историю не с введения нового стиля в 1923 г., а с 70-х гг., когда после скандального «снятия анафем» Римом и Константинополем многие афонские обители прервали общение с вселенским патриархом, но, по мнению Кинота, не прервали общения с Православной Церковью в целом, за исключением Эсфигмена, «в который в то время пришли из мира люди, чуждые святогорского образа мышления. Эти люди навязали свои взгляды остальным насельникам обители, в результате чего Эсфигмен отсек себя от всего святогорского организма и от всех Поместных Церквей, войдя в общение с одним из синодов «Истинно-Православных Христиан» (с.13-14). По мнению Кинота, в настоящее время законного братства Эсфигмен больше нет, а есть группа раскольников, которые не позволяют Киноту контролировать святыни и имущество монастыря и виновны в захвате власти. Кинот обвиняет зилотов в хвастовстве, стремлении «прослыть героями», публичной инсценировке штурма и своего мученичества и называет все это «ложью, достойной смеха» (с.22). Он обвиняет их в предательстве Св. Горы, Православия и национальных греческих идеалов, клевете на Греческое государство и т.д. Отвечая на вопросы, Кинот даже утверждает, что никакого гонения нет и не было (!), что главная причина давления на зилотов — их раскол с Церковью и вступление в общение с «внецерковной группой», что Кинот терпит отпавших в раскол зилотов, живущих в

келлиях, лишь потому, что они не нарушают административного единства афонских монастырей, что зилоты не признают православных патриархатов, а только лишь «Истинно-Православных Христиан»…

Для неискушенного читателя все, что здесь написал Кинот, может показаться правдой. На самом деле это далеко не так. Правда о положении гонимых экуменистами греческих ревнителей известна на Западе, но к сожалению, мало известна в России. Поэтому, чтобы обличить ложь и лукавство афонских экуменистов, стремящихся скрыть истинное положение дел на Св. Горе и свое отступничество, мы перевели книгу замечательного православного богослова XX в. иерея Французской Православной миссии Истинно-Православных Христиан Патрика Рансона, к сожалению, трагически погибшего. О. Патрик проводит великолепный историко-юридический анализ феномена «толерантности», четко, на основании святых канонов Церкви, разъясняет, кто на самом деле находится в Православной Церкви и кто являются истинными святогорцами: ревнители или «официальные» экуменисты «нео-афониты»; обличает бездуховность и лицемерие прекраснодушной душевности современных афонских «старцев»-новостильников, ревнующих не о вере Святых Отцов, а о собственном комфорте.

Книга была издана по-французски православным Братством свят. Григория Паламы в Париже в 1992 г.

иеромонах Феофан

* * *

Всяк убо, иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех.

Евангелие от Матфея. 10,32.

Господь Христос назвал Кафолической Церковью истинное и спасительное исповедание веры в Него, назвав блаженным Петра за то, что он исповедовал Его и объявил, что Он построит Свою Церковь на этом исповедании.

Св. Максим Исповедник.

Там, где епископ, право правящий слово Истины, вместе со своей паствой идущий по стопам Святых Отцов, там Церковь Христова. Горе нам, если вместо того, чтобы видеть Церковь в епископе, проповедующем и исповедующем Истину, мы видим в том или другом епископа только потому, что он — патриарх большого города, пусть даже Царствующего Града, но остаемся безразличными к тому, что он проповедует! Мы идем вместе с ним в темницу души нашей.

Отец Амвросий Фонтрие

Введение

Эта небольшая книга написана для того, чтобы представить православному сознанию и общественному мнению яркий пример нетерпимости и церковного фанатизма:

изгнание Константинопольской патриархией с помощью полиции и гражданских властей афонских монахов. Это действие не оправдано, мы это покажем, ни канонами (или правилами православной традиции), ни гражданскими законами, которые не должны вмешиваться в церковные вопросы.

Поступая таким образом, Константинопольская патриархия показывает свою двуликость. Для внешних она хочет казаться любвеобильной и осуществляющей, по словам патриарха Афинагора, «идеи гуманизма и правды, истины и добра, социальные идеи мира, сотрудничества, братства и единства». Но в то же время на Афонской горе — вершине православного монашеского сознания, она обнаруживает свою любовь, изгоняя *manu militari* тех, кто оспаривает её авторитет. Константинопольская патриархия заявляет, что она официально вошла в новый период истории Церкви, основанный на мире и любви, а поступает, как во времена западного средневековья, когда гражданская власть предоставляла феодальным епископам свою военную силу, а местный сеньор был заодно с епископом в преследовании всякого разномыслия.

В Греции патриархия регулярно плачет о своем тяжелом положении в Турции, о том, что она лишена защиты христианской гражданской власти, без народа и без паствы после преступных избиений в Малой Азии в 1923-1924 и последовавших за этим различных массовых переселений. Но в единственном уголке земли, где она еще проявляет свою власть — на Св. Горе Афон, месте молитвы и духовного мира — патриархия изгоняет прочь тех, кто ей слепо не подчиняется.

Мы не первые упоминаем о господствующей сегодня на Св. Горе Афон ситуации, противной как православным канонам, так и гражданским законам. Конечно, многие греческие монахи протестовали против того, что с ними сделали. Но их брошюры, написанные по-гречески или напечатанные в небольших малодоступных газетах, остались неизвестными западным читателям. Первым опубликовавшим вне Греции работу по этому вопросу был иеромонах Максим из Великой Лавры. Его небольшая книга вышла в Англии под названием *Human Right on Mount Athos. An appeal to the Civilized World* (Права человека на Афонской горе. Воззвание к цивилизованному міру). Факт, что о. Максим из Великой Лавры [1] не прервал общение с Константинопольской патриархией, придает его протесту против гонений на Афоне гарантию достаточной объективности. Несмотря на это и на значительный отклик в английской прессе, ни один монах, клирик или монастырь, причастный к преследованию своих братьев, не осмелился ему ответить публично и ни одно из его тяжелых обвинений в нарушениях прав человека не было до сих пор опровергнуто. Но это-то молчание и не есть молчание исихазма!

Преследование, иначе говоря, использование гражданской силы для навязывания своего церковного права — не православный метод. Конечно, история не была полностью свободна от такого рода отношений, но Православная Церковь никогда не оправдывала использование силы против «диссидентов». Отцы Церкви нередко писали против такого мнения. Они были, главным образом, жертвами в эпоху арианства, иконоборчества и Лионской Унии. Среди многих святых православного календаря, отказавшихся поминать Константинопольских патриархов в периоды великих христологических и экклисиологических кризисов прошлого, мы приведем в качестве примера только трех: св. Максима Исповедника, св. Феодора Студита и св. Григория Паламу.

Зато оправдание гонений стало одним из преданий Западной Церкви. Действительно, его богословски обосновали на писаниях епископа Иппонского Августина, а также на некоторых письмах, написанных в ходе полемики с донатистами. Были также использованы *письмо Винсенту* и *письмо Бонифацию*, по которым следовало изгонять или принуждать, даже убивать во время религиозных воин (в ночь *св. Варфоломея* и по случаю отмены Нантского эдикта). Некоторые протестанты, такие как Кальвин в Женеве, пользовались теми же текстами для оправдания преследований тех, кто был не согласен с ними [2].

Православие не знало политического августинизма [3]. Когда в XVIII в., после стольких веков религиозной нетерпимости был поставлен вопрос о терпимости, некоторые православные церковные авторитеты возвысили свои голоса для ее оправдания.

Так, Евгений Булгарис, бывший монахом на Афоне, а затем епископом Русской Церкви, опубликовал в 1768 г. вслед за своим переводом *Исторического эссе об раскольниках Церкви Польской (Peri ton dichonoion ton en tais ekklesiais tes Polonias)* Вольтера один текст, озаглавленный: *Эскиз о терпимости (Schediasma peri tes Anexithreskeias),* который был переиздан в 1890 г. в Александрии св. Нектарием Эгинским.

Булгарис защищал концепцию терпимости, отличную от концепции Locke, Bayle или Вольтера. Для Лока терпимость должна основываться на разделении властей [4]. По Bayle, который открыто критикует политический августинизм в своем *Философском Комментарии*, терпимость необходимо возникает в результате осознания невозможности всякого настоящего диалога между конфессиями и между христианами в религиозном міре, отмеченном предопределением и первородным грехом, то есть когда нет свободы [5]. Для Вольтера терпимость оправдана естественным правом [6]. Одним из тезисов Вольтера является утверждение, что христианство по сути нетерпимо, ибо Вольтер не отличал его от политического августинизма. Булгарис напротив исходил из православного богословия, исповедующего синергию или сотрудничество свободы и благодати. Бог создал человека свободным, дал ему страшную власть отвергнуть благодать и любовь своего Творца. Церковь исповедует и проповедует евангельское предание, иначе говоря, ставит каждого перед духовным выбором: принять или отвергнуть откровение и правую веру. Поэтому преследовать, принуждать, применять силу будет отрицанием той свободы спасения, к которой призывает Евангелие. Использовать такое принуждение значило бы лишить тех, кто может свободно угождать Богу, благодатного воздаяния — видения славы Христа в этом или в другом міре.

Поэтому истинная терпимость, которую должен иметь христианин — это не безразличие, но подлинная любовь, которая предупреждает каждого о том, что он несет ответственность перед Богом за свой духовный выбор и что даже величайшая благодать и высочайшая истина ничего не смогут сделать, если человек не примет на себя свое собственное бремя, если он не возьмется свободно соработать Тому, Кто ему открылся и явил Себя. Именно по этой причине Христос говорит в Евангелии: «Всякого, кто исповедает Меня перед людьми, того исповедую и Я перед Отцом Моим небесным; а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим небесным» [7]. Христос исповедует того, кто исповедал Его, поскольку это исповедание было свободным. Истина не принуждаема. В отличие от философских

систем, понимающих истину по образу рациональных необходимых истин и поэтому считающих, что их учение должно быть навязано всем (а когда они становятся идеологиями это просто необходимо), евангельское возвещение дается смиренно, как «слово», которое каждый свободен принять или отвергнуть согласно требованию своей совести [8]. Наоборот, сказали бы мы, в истории Церкви гражданские власти могли признать, что самая великая нетерпимость, самые ожесточенные гонения ничего не могли сделать с духовной свободой тех, кто избрал быть единым со Христом. Вся история мучеников и исповедников Церкви доказывает это, от первых христианских мучеников до новомучеников греческих, пострадавших во времена турецкого владычества, и новомучеников российских — при советской безбожной власти. История доказывает, что гонения совершенно бесполезны против истинных христиан, предпочетших Царство Божие власти или эфемерной политической роли.

Монахи Афонской Горы, отказавшиеся сегодня поминать на литургии имя Константинопольского патриарха, выдвинули на первый план духовную свободу. Действуя таким образом, они разделили свою ответственность перед Богом, они отверглись деяний патриархии, которых они считают противными всей традиции Православной Церкви. Они не преследуют патриархию и не препятствуют её существованию, но они отказываются стать соучастниками в её сегодняшнем вероисповедании, которое, как они оценивают по некоторым пунктам, противоречит вере Отцов и Православию. Они не становятся из-за этого ни фанатиками, ни фундаменталистами. Фанатик — это тот, кто не колеблется совершить насилие и убить, чтобы навязать свои идеи. Фанатики — это те, кто их предает полиции. Также, фундаменталистом вообще является тот, кто хочет навязать всем и особенно обществу, свою собственную концепцию предания и религиозной истины. Фундаменталисты совершают крестовые походы [9]. Афонские монахи-«зилоты» суть жертвы крестового похода, у которого нет имени, поскольку невозможно найти в истории Церкви другого факта, подобного ему по нетерпимости [10].

На Западе фундаментализм обладает другой характеристикой, он допускает парадокс: власть признают все, отделяясь от нее. Он измышляет непогрешимое папство, которое он признает таковым догматически, и с которым все же порывает [11]. Итак, никогда в истории Православной Церкви Константинопольская патриархия не считалась папством или единственным критерием веры [12]. Напротив, скорее ее авторитет часто оспаривали, а многие, отделяющиеся от нее, были признаны исповедниками. Конечно, в других случаях она сыграла решающую роль в церковной истории; но факт отделения от Константинополя никогда не считался сам по себе признаком раскола. В зависимости от того, что исповедовали и проповедовали публично епископы этого патриархата, этой Поместной Церкви, можно было бы говорить (или не говорить) о расколе. В Православной Церкви не становятся раскольником по отношению к зданиям, к Поместной Церкви, какова бы ни была её история, но по отношению к содержанию веры, к её православию, то есть к её согласию с библейским и святоотеческим преданием, преданным и ощущаемым через века [13].

Монахи-зилоты имеют право, согласно православной традиции, не считать заявления Константинопольских епископов непогрешительными. Если они так думают, они должны, по канонам, прекратить поминать имя патриарха и больше не признавать его за такового. Как видно, церковные каноны написаны для того, чтобы гарантировать духовную свободу во Христе, о которой мы говорили в начале: они основаны на синергии. Патриархия, конечно, имеет право говорить все что хочет в свое оправдание,

но она не должна преследовать с помощью полиции тех, кто не согласен с ней. Она имеет право находиться в Истамбуле, но не имеет права действовать как турки, традиционно нетерпимые.

Поступая таким образом, Константинопольская патриархия вступает в противоречие не только с правилами и историей Православной Церкви, напоминая тем самым печальное время, когда после Лионского Собора (1274), патриарх Векк, назначенный для осуществления унии с латинянами, счел нужным сжечь непоминающих его монахов в своих монастырях, но кроме того, она насилует свободу совести, являющуюся общепризнанным правом в наших демократических обществах. В марте патриарх Варфоломей сказал, что он возрадовался о европейском объединении, но он первый не соблюл его прав.

Мы не судим его как человека. У него тоже есть право делать свой выбор и предпочесть уподобиться патриарху Векку чем св. Иоанну Златоусту или св. Фотию. Но мы также можем сделать свой выбор, и у нас есть право остаться верными вере св. Иоанна Златоуста и св. Фотия, нежели вере патриархов Векка и Варфоломея.

Полиция не аргумент. Зато у монахов-зилотов есть хорошие аргументы, к несчастью, часто задавленные в зародыше, потому что они не известны за пределами Греции. Необходимы высказывания и публикации.

Конечно, мы не питаем иллюзий, потому что во всех этих вопросах замешано много интересов, и мы знаем, например, что монахи патриархии старались завладеть оставленным имуществом и помещениями, после того как полиция изгнала их владельцев. У нас нет иллюзий, но мы верим, что христианский народ имеет право получить информацию о делах его собственной иерархии, антихристианское поведение которой на Св. Горе он вообще не замечает. Может быть, до того как Господь сделает это за всех нас в день Своего Суда, христианский народ потребует ответа от епископов, которым он считал нужным кричать Axios («достоин») во время их хиротонии. Православие не знает клерикализма. Священник или епископ не обладает сам по себе таким правом или властью, в силу которой он мог бы прибегнуть к гражданской власти для поддержания своего авторитета. Нет, он — священник или епископ до тех пор, пока он является устами Евангелия, пока сохраняет в точности то, что принял, как нечто не его собственное, но принадлежащее Св. Духу, Церкви, всем настоящим христианам [14]. Господь не просил его действовать как сатрап, но служить: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф.20,25-28)». «Раб не больше господина своего (Ин13,16)». «По тому узнают вас все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой (Ин. 13,35)».

I

Изгнание афонских монахов из скита пророка Илии

После изгнания монахов из скита Ильи-Пророка полицией по приказу Константинопольской патриархии, книга о. Максима из Великой Лавры стала

неизбежной. О. Максим стал монахом в большом и самом древнем монастыре Афонской Горы — Великой Лавре. Будучи монахом, человеком просвещенным, хорошо знающим писания Отцов Церкви, о. Максим не подчинился нео-афонитам и, вынужденный отныне жить в Англии, опубликовал уже упомянутый нами труд: *Права человека на Афонской Горе*.

Книга о. Максима, опубликованная по-английски [15] вовсе не должна была быть книгой религиозного спора: она раскрывает истинное положение дел, а именно фактическое подчинение Св. Горы группе игуменов, не уважающих даже самых элементарных прав других монахов, «старых афонитов», «зилотов», монахов славянского происхождения, русских или сербов. Речь не идет о богочеловеческих правилах Евангелия, монашества и Церкви, но о простых правах человека, как они признаны международными договорами: кажется, что они попираются на горе Афон.

Этот труд открывается предисловием г-на Джона Лоуренса, президента Кестон Колледжа, и специалиста по изучению нарушений Прав человека в странах Востока. Влиятельная британская газета *The Independent* посвятила длинную статью двойной странице книги о. Максима — о чем еще никто ничего не говорил во Франции. Итак, мы представляем здесь краткое изложение этой книги.

Введение

В своем введении о. Максим напоминает историю Афонской Горы и ее интернациональный характер: «С 963 г., даты основания св. Афанасием Великой Лавры под покровительством Константинопольского императора, Гора Афон принадлежит расположенным на ней православным монастырям. В духовном отношении она подчиняется Константинопольскому Патриарху. С этого времени (X в.) монашеские поселения и их угодья быстро росли и приняли международный характер, включая учреждения не только греческого происхождения, но и всех православных семей: Сербии, Грузии, России, Болгарии, Румынии и, на некоторое время, Италии. Этот космополитический союз монастырей достаточно быстро счел уместным иметь общее собрание, которое могло подавать полезный представительный совет; его назвали Святой (или Священный) Кинот или Святая Конгрегация».

О. Максим затем отмечает, что Священный Кинот функционировал замечательно, и что его конфедеративная система полностью служила интересам Афона в течении десяти веков. Столицей, избранной для этой республики, стала Карея, находящаяся в центре полуострова. Там собирались игумены под главенством их собрата, *Прота* Кареи. Каждый монастырь оставался полностью автономным. Независимость и неприкосновенность монастырей сохранялась и тогда, когда Афон попал в руки последовательных захватчиков Ромейской Империи: латинян (франков), славян, оттоманов.

Он напоминает также, что богословский авторитет Афона был огромен в прошлом, а именно в XIV в. в период расцвета исихазма, который «оставил отпечаток своего специфического характера на православных народах России, Балкан и Среднего Востока и оказал значительное влияние на восточное христианство, самым существенным и наивысшим выражением которого он был».

Во время туркократии Афонская Гора имела квазиавтономный статус, данный султаном, и только в 1917 Св. Гора попала под греческий контроль.

В 1922 году, когда катастрофа в Малой Азии привела к вынужденному изгнанию 6 миллионов греков Анатолии, многие сотни беженцев стали монахами на Афонской Горе, представляя собой последнее поколение, «рожденное и вскормленное в этом традиционном окружении». Афонские монахи не были, впрочем, исключительно греками: в 1913 на Афонской Горе было до 5000 русских монахов.

К несчастью, именно в эту эпоху греческое правительство решилось ограничить число монахов не-греков, чтобы сохранить свою шовинистическую идею однородного народонаселения на этой недавно приобретенной территории. Итак, международные соглашения (Берлин 1878, Севр 1913, Лозанна 1923) сделали все необходимое, чтобы поддержать этнические меньшинства на Афоне.

Планы греч. правительства находили себе поддержку в ситуации раскола, учиненного «введением григорианского календаря [16][xvi] в некоторых частях Православной Церкви, решенного односторонне Константинопольской патриархией в 1924. Оно вызвало тяжелое разделение среди афонских монахов, большинство которых считало это изменение нежелательным нововведением, предназначенным разрушить единство православных народов», что и случилось: сам Афон не следовал новому стилю также как и Православные Церкви России, Сербии, Болгарии (до 1968), Синая и Иерусалимского патриархата. Протестующих против такого изменения афонцев преследовали (и до сих пор преследуют): это те, кого называют зилотами и кто прервал всякое литургическое общение с другими монахами. Большинство этих гонимых и даже выдворяемых за пределы Афона монахов происходит из не-греческих меньшинств».

О. Максим вспоминает затем, что в 1926 г. новая греческая конституция ввела четыре постановления, закрепляющих будущий образ управления Афоном:

1) равенство и местная автономия двадцати основных монастырей;

2) равенство прав и греческое гражданство для всех монахов, какая бы не была их национальность;

3) учреждение конституционной Хартии, предоставляющей афонской конфедерации административный, законодательный и судебный регламент;

4) назначение гражданского администратора для наблюдения за точным исполнением Хартии.

Все греческие конституции повторяли эти четыре принципа. Еще в 1926 конституционная хартия, включающая 188 статей, и одобренная главными монастырями за исключением русского монастыря Св. Пантелеимона, была принята греческим парламентом и получила силу конституционного закона.

Хартия четко различает общежительные монастыри от идиоритмов (статьи 84 и 142) [17]. Любое изменение статуса двадцати монастырей и двенадцати зависимых от них так называемых скитов [18] строго запрещено. Кроме того, общежительные монастыри

не имеют права стать идиоритмами, тогда как обратное возможно, если основное большинство их насельников этого требует, и при условии одобрения этого Св. Кинотом (ст. 85). До 1968 года вопрос об этом не ставился ни разу и ни один из монастырей — идиоритмов даже не думал изменить свой образ традиционной жизни; с тех пор никто никогда не помыслил бы об этом, если некоторые не были бы принуждаемы к этому силой.

Затем о. Максим объясняет, что торжественные церемонии по случаю тысячелетия Афона в 1963 г. были омрачены резким уменьшением числа монахов: с 1903 по 1963 гг. оно сократилось с 7500 до 1560 не более чем за полвека.

Мы процитируем о. Максима: «Когда в 1967 г. военная хунта захватила власть, она с выгодой использовала упадок Афона. В 1968 году греческая жандармерия, управляемая гражданским губернатором, предприняла штурм монастыря Ставроникита. Они ворвались в кельи, выбросив обитателей наружу, затем изгнали их из своего монастыря. Большинство отцов продолжало укрываться под деревьями или спать снаружи, прежде чем начать искать место, куда пойти. На следующий день гражданский губернатор объявил, что идиоритмичный монастырь Ставроникита становится отныне общежительным, а все монахи изгоняются за безнравственность. Св. Конгрегация Кареи не отреагировала, когда губернатор навязал в качестве идеального игумена одного молодого священника из идиоритмичного скита, соответствующего по нравственности режиму полковников!

Это происшествие отметило для Афона начало новой эпохи. Один за другим монастыри меняли хозяев. Со всей Греции от молодых, недавно образовавшихся общин поступали предложения отдать им не только монастыри-идиоритмы, но и общежития, населенные пожилыми и малочисленными монахами. Это был единственный случай для честолюбивых и не женатых греческих клириков стать аввами на Св. Горе. Тогда как раньше каждый приходящий в монастырь должен был стать новоначальным, то теперь можно было без больших усилий стать господином монастыря.

С 1968 по 1986 г. двенадцать монастырей получили новую братию. Пять из них поневоле были вынуждены также отказаться от своего прежнего образа жизни и стать общежительными. Образ идиоритмичной жизни был столь сильно опозорен, что монахи считали себя обязанными отдавать свои монастыри…

Наконец, веяния по реабилитации Афона произвели свое неотразимое впечатление на города и университеты. Многие хорошо образованные молодые люди старались отправиться во вновь образованные или реорганизованные монашеские общины, никоим образом не задаваясь вопросом об их монашеской подлинности или их происхождении. Эти новые насельники задержали численное падение афонского населения. Молодые начальники, стоявшие во главе этих общин, зачастую считались героями, достойными наивысшей почести, поскольку они были средоточием этих групп. Большинство новопосвященных — особенно самых необразованных — поддались искушению сделать из своих начальников объект культа личности или героизма.

Все эти условия привели к образованию эксцентричного менталитета, не имеющего ничего общего с прежней монашеской традицией».

Движение нео-православных также зародилось незадолго до восстановления в Греции демократии (1974) и вовлекло в себя политиканствующих юристов, также как и некоторых социалистов. Один из последних писал такие строки в предисловии к календарю, опубликованному Центром Сохранения Наследия Горы Афон: «Гора Афон представляет продолжение жизни в православии и в *эллинизме.* В течение одиннадцати веков она хранила этот огонь, оказывающий незаметное, но глубокое влияние на прогресс *Нации…*». Короче, Христос не сто́ит той одежды, в которую Его наряжают.

Этот менталитет, объясняет о. Максим, сильно ориентирован на миссионерскую деятельность среди греческого народа, рассматриваемого как «религиозная нация», единственной функцией которой является распространять по всему міру православный эллинизм, ностальгический к прошлому и сильно националистический. И именно во имя этих идей и этих иллюзий Св. Гора, недавно пристань мира и молитвы, для монахов, отвергающих произвол нео-православных, стала местом несправедливости, смущений и мук!

Права человека на Афонской Горе

Затем о. Максим открыто свидетельствует о нарушениях Прав человека, совершаемых на Афонской Горе: «Обычно никто не ожидает столкнуться с нарушениями Прав человека в общине, стремящейся преодолеть человеческую ограниченность христианской аскезой, и ищущей, по определению, достигнуть не человеческого, но богочеловеческого Идеала. К несчастью, реальность противоречит этим ожиданиям, она даже не оставляет абсолютно никаких иллюзий. Сегодня в эпоху, которая, как считают, делает шаг вперед к европейскому единству и общеевропейскому гражданству, в одной из стран членов CEE, а именно в Греции, некоторые самые существенные для существования всякой человеческой общины права, совсем открыто попраны. Особенно нарушаемы или неуважаемы вовсе несмотря на гарантирующие их греческую конституцию и Европейскую Конвенцию по Правам человека (ЕКПЧ), следующие права:

Свобода выражения
(Статья 10 Европейской Конвенции по правам человека)

При случае неповиновения, — замечает о. Максим, — существует недопустимая цензура. Невозможно ничего сказать или опубликовать против мнения властей, не подвергаясь преследованиям и изгнанию с Афона по простому решению Священного Кинота. Прежде любой публикации по богословской или любой другой теме, монахи должны просить *разрешения на издание* у властей, часто несведущих в трактуемом вопросе. Это отклонение или, скорее, незаконное использование монашеского послушания высшим властям, которые обращают его в свою пользу. Согласно истинной монашеской традиции послушание является добровольным, а начальник не имеет никакого права ущемлять свободу ученика. Если каждый следует христианскому идеалу, монах свободно выражается и начальники были бы этим счастливы, поскольку слова ученика были бы плодом их учения. Древо познается по плодам, — говорит Господь в Евангелии.

Эти полицейские меры, принятые для ограничения личного выражения, под предлогом необходимости господства порядка и послушания, оправдываются только двумя причинами:

а). Опасение, что внешний мiр догадается, что некоторые монахи не суть то, что ожидают от тех, кто посвятил свою жизнь Богу.

б). Сознание этой проблемы и необходимость принять меры и предостеречься, конечно, не для решения ее, но просто, чтобы скрыть истину перед общественным мнением. Те, кто осмелился выразить свое мнение по жизненно важным для Афонской Горы вопросам в газетах или книгах, были преследуемы и часто были вынуждены апеллировать об этом к Верховному Суду Греции, чтобы добиться отмены своего незаконного изгнания. Протестующие против такого отсутствия свободы выражения, рискуют дорого заплатить за это.

В отличие от того, что происходит в странах Востока [19], диктатура на Афоне не смягчается ни перед какой ассоциацией Европы или Америки. Напротив, в Афинах открыто общество *друзей Св. Горы* на субсидии Министерства Иностранных Дел для поддержки «нео-афонитов» и их неправедных действий. Самые лишенные, конечно, монахи не-греки».

Право на свободу религиозной совести
(нарушение статьи 9 Е.К.П.Ч.)

«Другим неожиданным феноменом на Св. Горе является сегодня отмена элементарных прав, жертвами которой стали «зилоты» или «старостильники». Они церковно отделены от других монахов и не общаются с ними, чтобы выразить свое несогласие по таким предметам как изменение календаря, экуменизм и ересь нео-православных афонитов, Они были наказаны в последствии». О. Максим перечисляет некоторые притеснения, жертвами которых являются зилоты: «Показательные репрессии, наложенные на зилотов состоят в том, что они больше не имеют права получать деньги, выдаваемые Государством их монастырю, предпринимать за счет государства работы, реставрацию зданий или общий ремонт, приобретать келии и пустыньки (скиты), как это делают другие монахи.

Наихудшим является то, что они были исключены из Свящ. Кинота, т.е. лишены права иметь там свое представительство или выразить свою точку зрения. Это является нарушением многих статей конституционной хартии Афона, также как и греческой конституции.

Несмотря на протесты и письменные жалобы, с 1971 до сего дня не было ни малейшего вмешательства компетентной власти, а именно власти гражданского губернатора. Это раскрывает фашистский характер подавления, осуществляемого над любым меньшинством или любым индивидом, выбившимся из строя. Нынешний афонский режим не может, в данном случае, сослаться на конституционную Хартию, запрещающую водворение раскольников на Св. Горе, поскольку зилоты не пришли водвориться на Св. Горе, как это делают нео-православные, но являются старыми афонитами, ставшими зилотами по причине неправильной церковной политики вселенской патриархии.

Кроме того, конституционная хартия более всего запрещает водворение нео-православных монахов на Св. Горе. Однако, двенадцать организованных групп нео-православных без всяких препятствий обосновались во многих монастырях Св. Горы,

введя свою националистическую культуру в афонскую монашескую традицию. Итак, именно руководители этих нео-православных вершат сегодня судьбы Св. Горы».

Право на переписку и частный телефон
(Нарушение ст. 8Е.К.П.Ч.)

Во многих монастырях, особенно в тех, которые были заполнены молодыми и пожилыми людьми с университетским образованием, этих прав не существует. Игумены нео-православных монастырей распечатывают все письма, приходящие к монахам, и передают только те, которые им кажутся хорошими; то же совершается с письмами, которые желают отправить их собственные монахи, не имеющие даже право знать, была ли отправлена их переписка. Нетерпим никакой протест. Эта цензура отнюдь не монашеское послушание, а напротив, повод для взаимного подозрения; она влечет за собой недоверие в отношениях между монахами и игуменами. Чего бояться последние? Если каждый монах доверится во всем своему игумену, то ему не нужно принимать таких мер предосторожности. Монах, написавший письмо, вероятно делает известным его содержание тому, к кому он имеет полное доверие; и если он не делает этого, это в любом случае не представляет угрозы для игумена!

Таким же образом прослушиваются все телефоны и нередко от монаха, не имеющего даже права узнать, по какому праву за ним подслушивали или кто это делал, требовали объяснения в том, о чем он говорил по телефону. То же происходит в случае вызовов, полученных монахами от внешних: монаху сообщается о вызове только когда власти уверены, что это не задевает их интересов. Когда они получают сообщение, записывается его содержание. Однако, в большинстве случаев «власти» отвечают, что требуемый монах занят; но когда тот, кто звонит, объявляет о своем намерении стать монахом, тогда разговор может продолжаться больше часа. Хуже: очень возможно договориться с местными почтальонами и перехватить переписку монаха или монастыря до того как она дойдет по назначению.

Права меньшинств
(нарушение статьи 14 Е.К.П.Ч.)

Св. Гора всегда была всеправославным монашеским центром. Такое присутствие не-греков является не только благословением и плодом Истории, но еще и существенно важно для осуществления духовных целей Афона.

Международные договоры (Берлин 1878, Севр. 1913, Лозанна 1923) поддерживают и защищают не-греческие меньшинства, а статья 105 действующей Конституции соответственно сообщает греческое гражданство любому афонскому монаху — иностранцу. Итак, со времени хунты (1967 -1974) греческий МИД делает все для того, чтобы антиконституционно изгнать иностранных монахов и оказывает давление на Константинопольскую патриархию, чтобы получить ее согласие.

Первой целью греческого правительства был анти-коммунизм: речь шла о том, чтобы изгонять любого монаха, происходящего из стран Варшавского договора [20] и таким образом, освободить Грецию от международных обязательств. То, чего хочет греческое государство в отдаленном будущем, это ликвидация автономии Афона в пользу греческого правительства; это вызовет ужаснейшие последствия для всех монахов, включая греческих, ибо это позволит государству принимать любые понравившиеся

ему решения, в то время как Патриархия и монахи не смогут протестовать. Возможными последствиями будут:

1. Национализация афонских имуществ, тогда как право на Афонскую недвижимость принадлежит Патриархии;

2. Развитие туризма на Св. Гору через уничтожение монашеского уединения, постройка отелей, создание пляжей и других коммерческих предприятий;

3. Подчинение Афонской Горы Археологическому Департаменту и превращение монастырей в музеи.

Иностранные монахи и международные соглашения служат главным препятствием для осуществления этих планов. Именно поэтому преследуются они и их соотечественники — паломники. Речь идет, главным образом, о греках Кипра, румынах, русских, сербах, болгарах и монахах из других стран за исключением монахов Европейского сообщества, у которых есть право пребывать в государстве-члене.

Посмотрим, как государство старается изгнать «нежелательных».

Гражданский губернатор и полиция используют различные увертки, чтобы помешать приезду иностранных монахов. (а) Они лишают их греческого гражданства, на которое они имеют полное право ввиду 105 статьи Конституции. Греческий губернатор, вместо того, чтобы согласовываться с этой статьей и выдать им удостоверение личности, заменяет его по приказу МИД временным видом на жительство, который должен быть обновляем каждые два месяца. (в) Они конфискуют паспорт иностранных монахов, чтобы вынудить их покинуть Св. Гору. Вот маневр. Приезжает иностранный монах и представляет доказательство, что он был принят в монастырь Афонской Горы и, в согласии с Конституцией, требует удостоверение личности. Полицейские просят показать паспорт, конфискуют его и объявляют, что он получит свою собственность только в Уранополисе, первом городе, расположенном как раз на границе Афона. Если монах попадает в ловушку и едет в Уранополис, ему возвращают его паспорт, но не позволяют вернуться на Афон под предлогом, что ему как иностранцу нужно новое разрешение на въезд туда. «Если бы у вас было удостоверение личности, то вы могли бы вернуться». Если в этом случае монах возвращается в Салоники, чтобы получить от министра новое разрешение на въезд, ему говорят, что срок, отмеченный на его первом разрешении, выданном на 4 дня, окончился и что он пробыл на Афоне больше дней, чем позволено иностранным посетителям. Ему остается только вернуться в свою страну. Тогда он арестовывается как незаконный иммигрант, угрожающий безопасности нации, а в его паспорте делается отметка о том, что он отныне не может больше вернуться в Грецию; в конце концов он выпроваживается на границу, где он убеждается в своем изгнании.

Если иностранный монах избегает просить у полиции удостоверение личности, он тем не менее арестовывается на Горе и выдворяется под предлогом, что его бумаги не в порядке!

Таким образом были удалены многие монахи. Даже простые паломники были выпроваживаемы под предлогом различных задержек. Их заставляли ждать в Салониках так долго, что они были обязаны возвратиться до получения разрешения.

Мы перебираем все методы запугивания, притеснений, угроз и агрессивности властей к этим паломникам, очень часто не умеющим ни объясниться по-гречески, ни протестовать, и которые зачастую являются клириками, преподавателями, профессорами, студентами…

Ксенофобия одерживает вверх до такой степени, что великолепный русский монастырь XIX в., разрушенный пожаром в 1968 г., не был восстановлен, хотя русское правительство предлагало полностью его восстановить.

Интенсивная пропаганда представляет греческим афонским монахам иностранцев Востока как шпионов Варшавского договора, а сербских монахов —как участвующих в создании македонского государства. Дезинформация и неведение настолько распространены в монастырях, что греческие монахи не знают об антагонизме между македонцами и сербами и думают, что вторые трудятся для первых! Когда им становится известно, до какой степени этих восточных монахов ненавидели и преследовали в их собственных странах, тогда им открывается вся отвратительная клевета греческого правительства в их адрес. Министр Иностранных Дел ежегодно выделяет гражданской администрации Афона крупную сумму денег для анти-славянской пропаганды! Эти деньги идут на оплату информаторов, на покупку драгоценных икон и т.д. Ни одно греческое правительство, даже социалистическое, не осмелилось отменить это ассигнование, объявленное необходимым для национальной безопасности, и служащее для наполнения карманов льстецов гражданского губернатора.

Министр Иностранных Дел стремится всеми этими методами добиться одного — отъезда всех иностранных монахов, что автоматически освободило бы Грецию от ее обязательств перед ними. Но, к счастью, эти планы, которые греческие монахи находят бесчеловечными, прямо противоречат Европейской Конвенции по Защите Прав человека и Основных Свобод (ст. 14), также как и закону о меньшинствах, принятому Европейским Парламентом в 1988 г.

Тем не менее, террор продолжается и распространяется на паломников. Из-за ксенофобии некоторым посетителям отказывают в разрешении на въезд. Один паломник-серб смог добиться законного разрешения только на 18 часов, срок, не позволивший ему достигнуть цели своего путешествия — сербского монастыря Хиландари. Несмотря на протесты греческих монахов, губернатор не изменил свою политику.

Та же бдительность в отношении греков Кипра. Губернатор испугался, как бы они не приобрели для себя монастырь на Афоне. Группа монахов-киприотов, прибывшая в 1987 году и большинство из которых были родом с ныне оккупированного турками острова, не могли остаться в пригласившем их монастыре Ватопеди. Гражданский губернатор объявил, что киприоты не могут остаться в греческом монастыре!

В письме в газету *Times* от 23 марта 1989 священник сербского прихода в Лондоне, о. Милун Костич жаловался на обман своих соотечественников в этих случаях и подчеркнул, что он сам должен был прождать два дня в Салониках, чтобы получить разрешение на паломничество в Хиландари.

9 марта 1989 та же газета опубликовала письмо Дерека Хилла, сообщающего о поведении греческих властей в отношении новопринятых и иностранных монахов, показывая нарушение Греческой Конституции. Она заключала: «Регион Греции, где происходит такое, играл всемірно значимую роль в течение более чем тысячи лет и не является собственностью Греции».

Другое меньшинство, страдающее от явных несправедливостей — это румынские монахи. У румын даже нет права иметь свой монастырь на Афоне и, следовательно, они лишены всякого представительства в Священном Киноте. Из когда-то бывшего все-православным, Афон скоро станет чисто греческим, что пугает многих православных наблюдателей. Они видят в этом безусловное духовное оскудение.

Греческие монахи сами возмущены этими правонарушениями и отправили свои протесты в Лигу Наций и в Суд по Правам Человека в Страсбурге; но, социалистическое или нет, греческое правительство до сего дня не придает этому никакого значения.

Право выезда из своей страны
и свободного перемещения заграницей
(нарушение 5 статьи Е.К.П.Ч.)

Постоянно противоречит Греческой Конституции то, что афонские монахи получают паспорта, действительные только на два месяца и обратный путь. Несмотря на все обращенные к нему призывы, Министр Иностранных Дел прикидывается глухим. В некоторых случаях, Гражданская Администрация на отрез отказывает в паспорте; в других, она ставит для его получения неприемлемые условия. Так, в 1978 Гражданская Администрация запретила выезд одного монаха, который должен был сделать публичный доклад на конференции заграницей, и пожелала проверить текст доклада до выдачи разрешения, однако контроль паспортов в Салониках получил приказ не пропускать его. Кажется, такие случаи часты, но не всем известны.

Право на точную информацию и на доступ к ней
(нарушение статьи 10 Е.К.П.Ч.)

На Афоне царит дезинформация. Монахам запрещено слушать радио или читать газеты. Зато обладатели власти делают то и другое тайком от своих подчиненных. Поскольку разговоры с посетителями тоже часто запрещаются, монах имеет доступ к информации только через игумена, который по своему усмотрению искажает то, что он узнал, если это служит его планам. В области религии и богословия ложная информация предназначена для избежания всякой оппозиции по спорным вопросам [21], которые в первую очередь интересуют монахов.

Необходимость полицейских действий на Афоне
по причине отсутствия насилия и организации
(нарушение ст. 5 Е.К.П.Ч.)

Исчезновение какого-нибудь монаха не вызывает никакого расследования, особенно если он жил в пустыне. Зачастую его тело находят через несколько дней после смерти. Когда кто-нибудь исчезает и его тело не находят, нужно ждать месяцы, чтобы началось следствие.

Странным здесь является то, что те, кто исчезают таким образом — обычно старые монахи, о которых соседи думают, что в кельях у них скрыты золотые соверены. Странно еще то, что когда такой отшельник исчезает, все содержимое его кельи — деньги, утварь, иконы, рукописи, золоченые богослужебные сосуды — также исчезает. Периодически обнаруживают неидентифицируемые трупы.

Относительно часто случаются также необъяснимые самоубийства, тоже скорее пожилых монахов, чем новоначальных. Таково самоубийство (?) одного архимандрита, о. Пантелеимона из Симонопетра, бывшего в конфликте с другими руководителями своего монастыря и потребовавшего от Священного Кинота вмешательства для восстановления справедливости. Уклоняясь от своих законных обязанностей, Священный Кинот и не подумал это сделать из страха войти в сильный конфликт с другими руководителями монастыря. «Результатом всего этого, — пишет о. Максим, — было то, что этот иеромонах, ставший жертвой несправедливости, упал в овраг глубиной около 5 метров»; но никакого расследования об обстоятельствах его смерти произведено не было.

Все это помещено в книге о. Максима для того, чтобы случаи такого рода не прошли незамеченным общественностью.

Заключение

В заключении о. Максим задает вопрос: почему монахи, права которых так осмеяны, так мало жалуются, и дает три ответа: во-первых, большинство монахов не знают своих прав или не знают, к кому обратиться, что является следствием плохо понимаемого послушания, обманно, без зазрения совести используемого начальниками. Во-вторых, им говорят, что нужно подчиняться для сохранения порядка и закона, предания и братской любви. На самом деле любовь заменена репрессиями, а объединения запрещены. Этнические меньшинства не осмеливаются протестовать, чтобы не подвергать опасности свое афонское гражданство. И последнее. Греческое правительство уже давно политически обещало улучшение, которое никогда не наступило. Остается только подготовить международную комиссию для предложения решений.

О. Максим дополняет свою книгу некоторыми документами: письмами из монастырей или Свящ. Кинота, в которых высказывается сожаление об ультра-националистической политике греческого правительства и его незаконных мерах в отношении иностранцев (так, например, игумен русского Свято-Пантелеимоновского монастыря жалуется на то, что не разрешают приехать даже шести русским монахам для жительства в его общине [22], а румыны из скита св. Иоанна Крестителя описывают неслыханное поведение властей и полиции по отношению к их братьям); газетными статьями; фотокопиями удостоверения личности иностранца, доказывающими, что некоторым иностранным афонитам отказано в греческом гражданстве. Списки скитов и монастырей, а также карта Афона увеличивают ценность книги, в то время как приведенные документы делают её неопровержимой.

Такова, если мы доверяем в этом о. Максиму, трагическая ситуация на Афоне. У нас есть все основания верить ему, ибо для чего ему публично критиковать место своего покаяния и аскезы, зачем ему стремиться оправдывать зилотов, если он сам не является таковым и поминает Константинопольского патриарха? Какова его личная

заинтересованность в предании огласке разделений на Св. Горе? Нет, его небольшая книга является одновременно и историческим исследованием и просьбой о помощи «афонских старцев», видящих, как «сад Богоматери» попадает в руки «нео-православных». Св. Нил Мvроточивый в своих пророчествах предсказал, что однажды, во времена страшной апостасии, падёт сама Афонская Гора. Мы желаем, чтобы это время еще не наступило и чтобы молитва Богоматери и просиявших там святых сохранила и защитила монахов, осмеливающихся говорить и исповедывать истину.

III

Права человека на Афонской Горе
Свидетельство о. Максима из Великой Лавры

Изгнание монахов, русских или членов Русской Зарубежной Церкви, долгое время живших в молитве и покаянии в скиту Пророка Илии, было вызвано по крайней мере тремя основными причинами:

1) Желание Константинопольской патриархии, этого нового папства, подавить и всеми способами уничтожить всякое сопротивление, которое с 1910 года оказывается в Греции ее политике *aggiornamento* Православной Церкви.

2) Захват контроля над делами управления Св. Горы «нео-афонитами» [23], то есть такими монахами, которые не имеют афонского пострижения и происходят не со Св. Горы, а из братств или групп, чуждых традиционному монашеству и навязанных Св. Горе во времена диктатуры Полковников. Мало-помалу они, при поддержке вселенской патриархии захватили контроль над некоторым числом монастырей, таких как Ставроникита, Григориу, Симонопетра, что обеспечивает им большинство голосов в Священном Киноте [24].

3) Довольно давняя политика патриархии в отношении славян, заключающаяся в том, чтобы сделать Афон чисто греческим, а не всеправославным святым местом, как это было на протяжении всей истории. Кроме того, с изменением политической ситуации в бывшем СССР Фанар и «нео-афониты» опасаются приезда на Св. Гору множества русских монахов, что могло бы повлиять на создавшуюся там расстановку сил. Подобными доводами руководствовалась Константинопольская патриархия и после Октябрьского переворота 1917 года, препятствуя русским монахам поселиться на Афоне. Так митр. Антонию (Храповицкому) не было позволено остаться там для монашеского делания.

Как и следовало ожидать, ни одна из трех упомянутых причин не обоснована канонами и церковной традицией. И изгнание монахов из Свято- Ильинского скита несправедливо и неправославно.

А. Факты

20 мая 1992 года, когда Церковь празднует Преполовение Пятидесятницы, монахи Скита Св. Пророка Илии увидели, что около полудня к ним приехал джип, из которого вышли секретарь гражданского правительства Афона, г-н Омирос Фотиадис и полицейские в штатском. Этот русский скит был приписан к монастырю Пантократор. Его игуменом является о. Серафим— монах, прибывший из Америки, вместе со своей

общиной многое сделавший для восстановления этого прекрасного здания (постройки). Будучи зилотом, о. Серафим, проживший на Афоне больше 20 лет, не поминал за литургией имя Константинопольского патриарха и по этой причине стал жертвой давления монахов, послушных официальной линии Фанара [25].

Секретарь правительства объяснил отцам Скита, что он занимается тем, что происходит в монастыре Пантократор: комиссия патриархии ввела туда силой в состав братии двенадцать монахов из монастыря Ксенофон и, перебрав совет, управляющий монастырем, отдало большинство мест этим ксенофонтским монахам. Это вторжение было незаконным: монастыри были, согласно Афонской Хартии, автономными.

В середине пополудни та же патриархийная комиссия, возглавляемая митр. Гелиопольским Афанасием, отправилась в Скит. Из джипов и грузовиков вышли монахи и полицейские в штатском. После посещения церкви митрополит и его свита были приглашены вкусить легких закусок и напитков. Митрополит объявил, что в Ксенофоне отныне находится новая община, затем, наведя некоторые справки об отцах, живущих в Скиту, спросил, какого епископа они поминают. О. Серафим ответил: «Всякое епископство православное». Митрополит заявил, что отцы Скита, не поминая Константинопольского патриарха, стали раскольниками и объявил об их немедленном изгнании. Напрасно они просили его показать им резолюцию об этом, постановление об изгнании; напрасно они просили отсрочки на два или три дня, чтобы собрать свои личные вещи. Все, что им было позволено — пойти собрать в рюкзаки, под бдительным оком полицейских церберов., некоторые вещи, затем поклониться в последний раз иконам и мощам в храме и спеть перед вратами тропарь пророку Илии перед тем как влезть в джип, доставивший их в порт Дафни. Оттуда один из скоростных морских судов перевез их в Уранополис, где они были брошены на пристани. Солнце близилось к закату.

Монахи Скита, не присутствовавшие тогда при набеге полиции, больше не имели права вернуться к себе. Напротив, другие монахи, поторапливаемые теми же служителями патриархии, стали обладателями всего имущества.

Греческая пресса изложила факты, но газеты разделились в их понимании. Некоторые использовали случившееся для того, чтобы настаивать на национальной стороне конфликта: монахи были русскими или американцами, и даже американскими шпионами! Другие протестовали против нарушения прав человека, греческой конституции и Хартии Афона, которая предполагает такое изгнание. *Ортодоксос Типос* вышел под заголовком: «Афонские монахи изгнаны без предупреждения» (№ 982, 26 июня 1992). Hagios Kyprianos излагает факты, указывая, что изгнанные монахи преследуются к тому же и государством, которое отказывается вернуть им их американские паспорта, и заключает: «Монахи Скита пророка Илии протестуют против своего незаконного изгнания из Сада Всесвятой; они изобличают антихристианское, небратское и варварское поведение гонителей: монахов, иеромонахов и полицейских; они возвещают о том, что готовится большое гонение против всех Отцов Св. Горы, оппозиционных экуменической и анти-православной линии Вселенского Патриарха, и решительно настроены использовать все законные способы для возвращения в свой Скит».

Hagios Agathangelos публикует открытое письмо премьер-министру, подписанное 164 монахами, в котором раскрываются факты нарушения свободы совести и подчеркивает,

что Священным Кинотом монахи-зилоты лишены права постригать своих учеников и завещать им свое имущество, что противозаконно. Они думают, что целью этих анти-зилотских преследований является устранение любого препятствия к будущей унии по типу Лионской, давшей столько мучеников при патриархе Векке (1274). Они добавляют, что православное сознание никогда не примет такую унию с инославными пусть и ценой мученичества, и приводит лозунг, гласящий: «Религиозные гонения закончились в России и начинаются в Греции!» (*Agathange* № 130 А от 23 мая 1992).

На самом деле, чтобы правильно понять это изгнание, нужно его поставить в контекст гонения, которому с 1924 года подвергаются те, кто отвергает, в согласии со своей совестью, *aggiornamento* Православной Церкви.

B. Преследование зилотов с 1924 года.

В 1920 году Константинопольская патриархия подготовила aggiornamento Православной Церкви, признав в знаменитой энциклике, что догматические различия были вторичными и не должны отделять Православие от других конфессий. Церковная политика Константинопольской патриархии в эти годы стала скандальной по многим причинам. Патриархией тогда управлял печально известный церковный авантюрист Мелетий Метаксакис, который, презирая церковные каноны, неоднократно менял епископии и патриаршие кафедры, последовательно заставив себя избрать архиепископом Афинским, затем он был переведен на Константинопольскую кафедру, откуда он был перемещен в конце концов в Александрийскую патриархию. Его поддерживала английская дипломатия, всемогущая тогда на Ближнем Востоке. Получая образование в Англии, епископы Константинополя отныне были готовы принять теорию ветвей, смысл которой понятен в протестантизме, но чужд традиции Православной Церкви. Когда эти иерархи пожелали реформировать Православие, чтобы улучшить отношения с англиканством, они не посоветовались с другими Поместными Церквами, вводя экуменизм как государственный переворот, в особенно трагичный момент жизни православных народов. Действительно, Константинополь объявил об этих проектах церковной реформы и приступил к их осуществлению тогда, когда православные в России вовсю были преследуемы советской властью, Патриарх Тихон был заключен в тюрьму, множество епископов убито или сослано. Коммунисты создали параллельную и революционную церковь, «Живую Церковь», которая осуществляла с помощью безбожных властей реформу, близкую к той, которую предложила Константинопольская патриархия: ликвидация всех защитных барьеров, отделяющих Церковь от міра, реформа литургического ритма — принятие гражданского календаря, — ограничение монашества, активности и т.д.

Константинопольская патриархия поспешила признать эту «Живую Церковь» и потребовать от Патриарха Тихона удалиться. В Константинополе русские епископы и их посланники были приняты довольно плохо. Впоследствии до начала Второй Міровой Войны основные решения Константинополя были приняты без консультации с Русской Церковью или вопреки ей.

Совершенное турками избиение греков Малой Азии, ссылка тех, кто пытался бежать (1923), очень запутанная политическая ситуация в Греции и подчинение с XIX века иерархии Греческой Православной Церкви гражданской власти позволило Константинопольской патриархии начать практическое осуществление своей реформы. В 1924, решением правительства, не спрашивая мнения ни клира, ни народа, был

изменен церковный календарь — не по научным причинам, ни по литургическим мотивам, но единственно для того, чтобы праздновать праздники совместно с англиканами, также кончившими принятием григорианского календаря.

Авторитарный способ изменения календаря, выбор календаря [26], осужденного официально в XVI в. при патриархе Иеремии II на многих всеправославных соборах — все это вызвало живую реакцию народа и монашества.

Собрание монахов Св. Горы Афон за исключением одного монастыря, при соединившегося впоследствии, отвергло реформу и вообще Энциклику 1920 года. За ними последовали многие верные, которые продолжали молиться по принятым церковным уставам.

Драматичным было то, что Греч. Церковь, управляемая митрополитом Хризостомом Пападопулосом, опиралась на гражданскую власть, чтобы преследовать тех, кого в насмешку стали тогда называть «старостильниками», но которые на самом деле составляли огромного большинство монастырей и истинно благочестивых верных. Полиция отбирала у них храмы, изгоняла монахов из монастырей, ссылала их, заключала в тюрьмы. Арестовывали верующих и клириков, стригли бороды священникам, снимали с них рясы, а некоторые были даже убиты в полицейских избиениях. Гонение было особенно сильным в 30-е годы, затем в 50-е при архиепископе Афинском Спиридоне, затем при диктатуре полковников.

Мы не будем здесь прослеживать историю этих гонений, но факт остается фактом: существовал случай религиозной нетерпимости, когда Церковь и государство сотрудничали против части священников и народа, верных своим традициям.

Избрание Афинагора — члена американской масонской ложи и сторонника теории ветвей — Константинопольским патриархом, очевидно, осложнило обстановку. Сначала он был навязан американской политикой, жаждущей обеспечить наилучшие отношения между Грецией и Турцией, странами, которым уделяется особое внимание из-за их стратегического положения. Патриарх Максим V, более верный традиции, чем Афинагор, был смещен без всякой причины и заключен как сумасшедший в Швейцарии, где он был лишен права совершать богослужения и действовать как архиерей. Некоторые люди, которым удалось встретиться с ним в конце 50-х годов смогли засвидетельствовать, что он не был ни безумным, ни невменяемым.

Политика патриарха Афинагора известна: каждый знает, что он устремился на сближение с Римом и начал продвигать всехристианскую и даже пан-религиозную адогматическую унию. Эта политика была продолжена его преемниками.

Зато почти неизвестно о том, что ниспровержение православной традиции, совершаемое Афинагором, вызвало сильную реакцию во всем православном міре, особенно в Греции и на Афоне.

Все Афонские монастыри начисто отвергли и просто прекратили поминать его имя за литургией, В Северной Греции многие епископы, непосредственно приписанные к матери-Церкви, поступали также или энергично протестовали. Это были митр. Амвросий Елевферупольский, Павел Парамифийский, Поликарп Сисианосский и Августин Флоринский. В то же время гонения на «старостильников» усилились.

Все эти монахи, священники, епископы были вправе протестовать — с одной стороны, как мы увидим, по канонам Православной Церкви, с другой— в силу гражданских законов, разрешающих плюрализм. Очевидно, с падением диктатуры полковников в 1974 стало очень трудно ограничить силами полиции всякую оппозицию на греческой территории. Но особый и независимый статус Афонской Горы позволял «выправить положение», что должно было случиться рано или поздно, а теперь уже почти осуществилось.

Все началось с первой попытки захвата полицией св. монастыря Эсфигмену, не пожелавшего уступить. В 1974 г. патриарх Димитрий I дерзнул низложить игумена Эсфигмену о. Афанасия и некоторых монахов. Из-за своей преданности «навеки незыблемой религии, тождественной с религией Святых Отцов [27]», монахи, решившие сплотиться вокруг своего игумена и остаться заодно с ним, были преследуемы в своем монастыре: силы порядка осадили их, телефонный центр в Карее отключил им телефон, центральная почта задерживала их курьера, всякое сообщение по земле и воде было запрещено, монахи не могли более выходить, чтобы заниматься своим хозяйством… Осажденные, они не переставали славить Св. Троицу и хвалить Пресвятую Богоматерь, игуменью Св. Горы.

На вершине монастырских башен развевались два черных флага и большие вымпелы с надписью: *Православие или смерть*! Твердость монахов принесла свои плоды: сами жандармы были возмущены антихристовой работой, которую им поручили исполнить.

В конце концов, поняв, что невозможно разделить монахов самыми различными предложениями, губернатор Афона отказался принудить непокорных подчиниться таким бросающимся в глаза способом.

С этого времени, несмотря на притеснения, эсфигменский монастырь стал символом сопротивления произволу патриархии. Монахи избрали лучше жить в бедности, чем уступить: действительно, большинство монастырей имеют большие стяжания, земли, данные им вне Св. Горы… Власти незаконно лишили монахов Эсфигмену доходов их монастыря, так же, как и их представительства в Священном Киноте — монашеском правительстве Св. Горы. Некоторые из монахов были изгнаны или им угрожали, как, например, издателю газеты *Agathangelos* о. Иакову, который в своем издании регулярно изобличал гонения на монахов-зилотов.

В скитах — этих небольших пустыньках, административно относящихся к большим нео-афонским монастырям, но где на самом деле живут аскеты, полностью посвятившие себя исихазму, вторгся мiр со своими бурями и насилиями. Многие монахи были изгнаны или принуждены различными способами оставить место своего покаяния.

Приведем несколько примеров.

Во-первых, о. Феодорит — автор многих книг по богословию и издававший небольшую православную газету *Агиорит* — должен был покинуть Св. Гору и вернуться на Фарос из-за одной такой запрещенной властями публикации. Он опубликовал в Афинах в 1987 году *Апологию одного исихаста*, где рассказал о всех трудностях, которые его духовный отец Калинник и он сам претерпели от властей Афонской Горы.

Упомянем еще случай другого монаха-зилота о. Дамиана, прожившего на Св. Горе уже 15 лет и изгнанного силой несмотря на его протесты. О. Дамиан отказался признать законность этого беззаконного акта изгнания, написав губернатору Св. Горы в Карею: «Уважаемому губернатору Св. Горы, Карея. Господину губернатору. От полицейских Кареи я узнал, что вы отдали приказ изгнать меня со Св. Горы, где я монашествую уже 15 лет. Вы решили привести в исполнение и облечь одеждой законности решения монахов — ортодоксомахов монастыря Дохиариу, этих нарушителей множества статей Хартии Св. Горы и Греческой Конституции, решения антиконституционные, антихристианские, вопреки всякой правде и морали, делающие вас виновными. Силой и произволом вы желаете насиловать мою религиозную свободу, которую греческая конституция признает за каждым гражданином. Ваше поведение заставляет вспомнить мрачный режим диктатуры, ибо вы наказываете меня, не давая мне права защищаться, право, которое признавали за своими гражданами даже жалкие тираны слаборазвитых стран [28]». Монах Дамиан уточняет также, что он дал обет при своем монашеском постриге оставаться до смерти на Св. Горе.

О. Феодорит протестовал против тактики губернатора и других гонителей, написав в *Агиорите*: «Мы жалеем не гонимых, но гонителей. Гонимые текут блаженным путем исповедников. Горе тем, кто их гонит, чтобы угодить своим злославным начальникам и их сторонникам! Ибо кто не знает, что они хотят через гонения заглушить голос сопротивляющихся, хотят, чтобы народ Божий не раскрыл то, что замышляется в *Саду Всесвятой*?». Та же газета Агиорит №34 сент. 1985, опубликовала открытое письмо большого числа верных, адресованное Св. Киноту Афона, двадцати монастырям, гражданскому правительству, министру иностранных дел и Ассоциации корреспондентов иностранной прессы в Афинах. Это письмо говорит: «Почтенные Отцы, с изумлением и горечью мы узнали о некоторых делах, происшедших на Св. Горе, в Саду Пресвятой, что, по нашему мнению, компрометирует православное монашество и вызывает великое беспокойство в нашем православном народе… Почтенный игумен монастыря Дохиариу организовал «штурм» бедной пустыньки пустынника Дамиана Вулгаридиса, взломав его дверь, разграбив его мебель и вещи, расхитив его убогое хозяйство, созданное собственными руками. И теперь вы готовите его незаконное изгнание со Св. Горы!».

Впоследствии были изгнаны и другие монахи; а визит в Рим патриарха Димитрия, в декабре 1987 участвовавшего в папской мессе облаченным в омофор [29]и позволившего своему диакону возглашать ектении и читать Евангелие, вызвал бурную реакцию на Св. Горе, как будто бы уже настал подходящий момент для окончательной атаки против зилотов. Некоторые скиты даже отказались тогда поминать имя патриарха Димитрия. Келлиоты Кареи и окрестностей, зависимые от северных афонских монастырей монахи, также как и не принадлежавшие афонским зилотам монастыри Григориу и Кутлумуссиу — также прекратили поминовение патриарха на литургии [30]

Последний вскоре появился на Афоне перед монастырем Эсфигмену в сопровождении множества полицейских. Согласно Афонским монахам, захват монастыря был предрешен, но чтобы избежать его игумен, о. Евфимий отказался открыть врата.

Совсем недавно игумен афонского монастыря Филофею о. Ефрем, отправившись в США и Канаду, обнаружил, до какой степени в греческих храмах этих стран царствует религиозный синкретизм.

Он прервал общение с Константинопольской патриархией и вошел в Русскую Церковь Заграницей митр. Виталия, который его рукоположил в пресвитера. О. Ефрем тогда претерпел такое гонение со стороны «нео-афонитов», что испугался и вернулся на Св. Гору, оставив Русскую Церковь. В отместку митр. Виталию Свящ. Кинот объявил его Церковь безблагодатной «схизмой» и сущей вне Церкви. Такая позиция вызвала реакции некоторых благочестивых верных. Мы представляем эту корреспонденцию в Приложении.

Теперь произошло изгнание из скита пророка Илии и мы ожидаем, возможно, изгнания монахов-зилотов монастыря Эсфигмену — что будет очень трудным, ибо они пользуются очень большой народной поддержкой в Греции. Патриарх Варфоломей с 29 авг. по 1 сент. 1992 года собрал епископов вселенской патриархии в Фанар, и объявил им, что он хочет вернуться на Св. Гору в ноябре 1992 и что он желает видеть урегулированным вопрос с монастырем Эсфигмену. Терпение …

С. Гонения, проведенные нео-афонитами

Было бы неправильно думать, что одни зилоты стали жертвами захвата контроля над Афоном нео-афонитами. Даже честные умы, не порвавшие с патриархией, но и не готовые принимать любое действие церковной тирании, стали жертвами этой достойной похвалы заботы о свободном испытании на предмет веры и уважения к канонам.

Так, М. Марио Пилаваки, лондонский корреспондент Orthodoxos Typos, был изгнан с Афона за критику «текста о национальном образовании», составленного двумя особо реформистскими игуменами монастырей Ставроникита и Григориу. Этот же текст, поддержанный многими известнейшими официальными богословами и вовлекающий Афонскую Гору во все политические и социальные споры Греции, был также подвергнут критике монахом Максимом из Великой Лавры. В результате о. Максим столкнулся с многочисленными противодействиями нео-афонитов. В конце концов он должен был покинуть Св. Гору и вернуться в Англию, где он является настоятелем одного греческого прихода. Там он опубликовал свою книгу Права человека на Афонской Горе, которую мы резюмируем в следующей главе.

Еще более удивительным является изгнание митрополита, бывшего на кафедре в северной Греции и поминавшего Константинопольского патриарха, Владыки Августина Флоринского. В известном письме, вышедшем в апреле 1985 года и адресованном патриарху Димитрию, этот епископ огласил все нарушения канонов, которые, по его мнению, совершаются в его собственной Церкви, и возмущался участием в этом некоторых монахов Афонской Горы, которые, вместо того чтобы выступить против этих беззаконий, прикрывали своим духовным авторитетом этих нарушителей: «Если верные сыны Православной Церкви осмеливаются протестовать против нарушителей канонов, то они преследуются главами Православных Церквей, отлучаются от Церкви, наказываются отцами Афона, которые путешествуют заграницу и налагают на них различные прещения, что является великим соблазном [31].

В последние годы митр. Августин Флоринский продолжал предостерегать православный греческий народ от действия некоторых иерархов патриархии. Так, в Австралии архиепископ Стилиан был обвинён своими верующими, а затем афонскими монахами, например, о. Феоклитом из Дионисиата, в нео-несторианстве. В Австралии

организовались Братства, отвергающие авторитет архиепископа Стилиана. Не только митр. Августин Флоринский, но и Иерусалимский патриархат поддержал очень многих священников и верующих, отделившихся от несторианствующего епископа Австралии.

Когда митр. Августин был приглашен на Гору Афон в монастырь Кутлумуссиу и высказал свое мнение по поводу церковной ситуации в Австралии, ему решительно посоветовали немедленно завтра утром уехать с риском быть изгнанным полицией.

Вскоре после этого инцидента *Ecclesiasticos Agon* — консервативная, но тем не менее связанная с Государственной церковью, газета — публично заявила о том, что она боится «захвата Афонской Горы». Вот что объявила эта влиятельная церковная греческая газета, намекая на различные события, случившиеся на Св. Горе, а именно захват контроля над Иверским монастырем реформистским игуменом Ставроникита, нео-афонитом о. Василием Гонтикакис.

«В истории афонского монашества важным фактом стало возвращение Иверского монастыря к традиционному общежитию. Несмотря на это некоторые события, связанные с этим возвращением, подтверждают некоторые опасения по поводу того, куда движется афонское монашество. И вот почему: греческий православный народ и искренние друзья Св. горы были поражены «избранием» в игумены личности, чуждой монашескому иверскому братству. По правилам и древнему монашескому уставу игумен должен избираться братией монастыря из братии монастыря.

У иверийцев есть хорошие отцы, «рожденные и вскормленные» этим св. монастырем, и совершенно не обязательно «заимствовать» или «приводить» игумена из какого-нибудь другого монастыря!

И этот «избранный» игумен усиливает волнения. О. Василий Гонтикакис — именно о нем идет речь — был игуменом монастыря Ставроникита. Как он согласился оставить свой бедный монастырь и «перевелся» — ибо речь идет скорее о переведении — в монастырь богатый и видный?

Более того, этот «приведенный» и «заимствованный» известен своими экуменическими выкрутасами, своими анти-монашескими писаниями в поддержку архиепископа-еретика Стилиана Австралийского и осужден официальными агиоритами за модернизм и за свою «неспособность» приспособиться к традиции афонского монашества; очевидно, он заражен западным духом и чужд святогорской традиции!

Кроме этого проклятого «перемещения», поведение Вселенской патриархии также вызывает опасения! Она, кажется, была замешана в этом деле, в ущерб привилегиям афонских монастырей, и действовала по заранее разработанному плану, чтобы поставить на игуменские места «подчиненных» Фанару людей, «носителей» как экуменизма, так и следующего за ним «нео-веккизма»!

В указанном документе нам было сообщено, что «приведенный» и «заимствованный» архимандрит Василий Гонтикакис является источником клевет против митр. Августина Флоринского и что именно ему было предписано изгнать митрополита со Св. Горы, обвиняя его в критике представителей Вселенской Патриархии в Австралии за их анти-православное поведение!

Все, что происходит вокруг этой «киновитизации» Иверского монастыря подтверждает тревогу православного греческого народа и искренних друзей Св. Горы, которые задают трагический вопрос: «Был ли разработан план по захвату Св. Горы? Не появились ли на афонском горизонте «тени призраков» Варлаама, Михаила Палеолога и мерзкого «патриарха» Иоанна Векка [32]»

Другая греческая газета, *Orthodoxos Typos*, также связанная с Государственной церковью, но достаточно консервативная, так прокомментировала изгнание митр. Августина и его заявление о том, что «на Св. Горе, во всех монастырях, скитах и пустынях должны бы всегда развиваться флаги с надписью: *Православие или смерть*«: «Мы думаем, что горячие слова митр. Августина Флоринского являются оправданием и наградой одному афонскому общежительному монастырю, который вот уже много лет поднял флаг *Православие или смерть*, несмотря на неистовые реакции других монастырей афонского населения: речь идет о монастыре Эсфигмену…»

Наконец, *Agathangelos* был возмущен поступком нео-афонитов, которые в ответ на простую речь епископа изгнали его с Афона: «6/19 августа в праздник Преображения, митр. Августин Кантиотис был приглашен на праздник в монастырь Кутлумуссиу, недалеко от Кареи.

«Вселенская патриархия» дала разрешение и митрополит сначала посетил Священный Кинот, принявший его со всеми знаками уважения, подобающими его достоинству, как это делается для всех новостильных епископов…

Праздники проходили нормально при возглавлении Августина, служившего с игуменом монастыря и присутствующими иеромонахами. Вечером в главный день, во время вечерни и заупокойной литии в память основателей монастыря, Владыка Августин пожелал сказать несколько слов и дать некоторые советы монахам монастыря и присутствующим верующим. На церковном богослужении присутствовали представители Священного Кинота. Митр. Августин говорил о столь ожидаемом визите «патриарха», об экуменизме «патриарха» Димитрия и терпимости его и его синода, сохраняющих на посту «австралийского архиепископа» Стилиана, несмотря на его скандалы и его анти-церковную и анти-национальную деятельность в греческом рассеянии!…

Эта критика Димитрия не понравилась фанатикам-экуменистам — представителям Кинота, которые протестовали и удалились в ярости…, решив немедленно объявить о собрании Кинота и изгнании митр. Августина силой. Приступая к исполнению этих угроз, г-н Лулис, гражданский губернатор (и человек патриархии) убеждал его… даже до наступления дня (!!!) покинуть Св. Гору, чтобы его не выдворили силой по решению Кинота!… Несмотря на свои протесты, митрополит позволил Лулису себя уговорить и был выдворен ночью, поскольку он имел смелость заявить о своей оппозиции. Всеми наземными и водными средствами, которыми располагал губернатор, он был доставлен в порт Дафни и оттуда за пределы Св. Горы!… Наутро Священный Кинот донес на митрополита «вселенской патриархии» и потребовал применить к нему санкции.

Вот печальная и наглая диктатура на Св. Горе! Какое убожество!!! Такова феодальная духовная власть «экуменических шефов»!… Если бы они хотели поддержать «патриарха», они должны были бы вежливо пригласить Вл. Августина обратиться к Священному Киноту и исправить возможную ошибку последнего. Только… хватило ли

бы у них смелости опровергнуть истины, которые он им изложил? Изгнание устроило их как нельзя лучше!

Думаете ли вы, что они поступили так… по любви к своему патриарху???… У них нет сочувствия ни к кому, кто не от міра сего!… И они делают все, чтобы не потерять это. Сегодня патриархия имеет союзником государство, и их служебное положение зависит от благосклонности Димитрия, следовательно, они спешат выказать униженное раболепство к своим господам, жалобно намекая: » Посмотрите, как мы вас поддерживаем, взамен вы сохраните нам наши посты»…

До какой высоты, до какого уважения дошёл в наши дни духовный авторитет Св. Горы [33]!»

Мы хотим дать здесь только несколько примеров этой анти-христианской ситуации, царствующей на Св. Горе Афонской вопреки всем церковным и гражданским правам. Мы знаем, что через несколько лет будет составлена история этих гонений, будут даны все исторические и научные документы; но Св. Гора Афон будет ли такой, как в прошлом? Ее нормализация есть только первый шаг к ее исчезновению, к ее превращению в музей восточного монашества, где монахи, превращенные в хранителей, будут высказывать мнение Афона на то, что происходит в міре, как это уже делают нео-афониты, и будут устраивать беседы и школьные конференции о духовной жизни, не практические, а умозрительные. Холодность и смертельная тоска. У Европы будет свой фольклорный музей об «отцах пустыни», но подлинного православного монашества не будет на Св. Горе.

II

Невозможность оправдать гонения

Монахи скита Пророка Илии и вошедшего в историю монастыря Эсфигмену не перестают выставлять догматические и экклисиологические причины, препятствующие им поминать Константинопольского патриарха.

Они приводят апостольские правила, правила Вселенских Соборов, синаксарии или жития святых, тексты из творений Отцов Церкви. Напротив, патриархия и нео-афониты приводят мало эклисиологических аргументов. Всегда приводятся одни и те же аргументы: «Отцы-зилоты не должны ничего совершать на канонической территории патриархии, они не *каноничны*». В Европе, где этот тип аргументов предположено вынести на чуждое Православной Церкви и духу Православия публичное обсуждение, охотно добавляют, что эти Отцы-зилоты были «фундаменталистами». Всё это весьма привлекательно с виду и мы ответим на эти аргументы. Тем не менее, оправдывает ли это отправку в монастыри полиции и насильственную ссылку монахов? Нет, ибо переход к физическому насилию — другого порядка.

Юридически, турки сегодня в Константинополе как дома. Поскольку сила, закон, ими составленный, и международное признание на их стороне, имеют ли они поэтому право преследовать христиан, грубо обращаться с ними и гнать их, как они делали это много раз в этом столетии? Нет, конечно! Напротив, их законы должны гарантировать нормальное существование христианам и защиту их ценностей, если они хотят, чтобы их сегодня признавали демократическим государством.

Итак, патриархия на Афонской Горе действует как и турки, считая, что только она обладает властью на Св. Горе, бывшей за всю свою историю всеправославным местом. Может быть, патриархия берет пример с папства, у которого есть свое государство — Ватикан — вместе с собственной полицией и армией, впрочем, весьма символическими. Но Афонская Гора никогда не была государством патриархии, ни её собственной территорией. Условие проживания на ней: быть православным — не признается патриархией.

Итак, никто — ни в Константинополе, ни другие — не спорит, что отцы-зилоты православны, что они верят и исповедуют то, во что Православная Церковь всегда верила и исповедовала. Не смея объявить это во всеуслышание, даже их злейшие враги вынуждены умолкнуть, не имея возможности обвинить их в ереси. Эти отцы, т.о., являются православными монахами, не признающими нынешнего Константинопольского патриарха. Делает ли это их раскольниками?

На самом деле вопрос стоит таким образом: можно ли быть православным, не признавая Константинопольского патриарха? Можно ли быть православным, не поминая епископов Фанара?

Прежде чем ответить на этот вопрос, кратко обсудим вопрос о праве преследовать диссидентов. Прояснение этого вопроса позволит отвести обвинение в «фундаментализме» и показать его нелепость.

А) Существует ли право на преследование?

Истина, которая делает свободными (Ин.8,32)
может ли утверждаться принуждением?

Первые христиане были гонимы [34]. И во времена христианской Империи они были еще более часто гонимы, когда император ту или иную ересь предпочитал апостольскому учению, часто по политическим причинам. Это в истории Церкви случалось прежде всего во времена арианства, духоборчества, несторианства, монофизитства, монофилитства, иконоборчества, когда православные претерпевали тысячи бед от императоров-еретиков или покровительствующих еретикам [35]. Униатские соборы, например, Лионский в 1274г. или Флорентийский в 1439 и, гораздо позже, Брест-Литовский в 1596, были причиной гонений против тех, кто оставался верным Православию. Так же были гонимы патриархом Калекой исихасты. При баварской монархии колливады были гонимы другими афонскими монахами и вместе с ними ту же участь испытала группа верных, сплотившаяся вокруг монаха Христофора (Папулакоса) и Космы Фламиата. Затем, в наше время, как мы уже видели, объектом преследования стали греческие и румынские «старостильники». К этому неполному списку следует добавить множество новомучеников: греков — жертв туркократии; сербов, вырезанных усташами; русских, истребленных большевиками, которые, по крайней мере, гнали, не прикрываясь именем христиан.

Отцы Церкви своим учением и жизнью учили, что должно сохранять веру всеми евангельскими способами, т. е. не жалея собственной жизни, если это необходимо; но они никогда не учили, что насилие в отношении тех, кого нельзя убедить, является аргументом и православной практикой. Единственный епископ, долго оправдывавший гонения, это епископ Иппонский в своей борьбе с донатистами.

Августин Иппонский делал это, толкуя одно место из Св. Писания так, как не толковал ни один из его предшественников. Речь идет о знаменитом отрывке «убеди внити» из притчи о вечере велией: «Человек некий сотвори вечерю велию и зва многих: и посла раба своего в год вечери рещи званным: грядите, яко уже готова суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече ему: село купих и имам нужду изыти и видети е: молютися имей мя отречена. И другий рече: супруг волов купих пять и гряду искусити их: молю тя, имей мя отречена. И другий рече: жену поях и сего ради не могу прийти. И пришед раб той поведа господину своему сия. Тогда разгневався дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града и нищия и бедныя и слепыя и хромыя введи семо. И рече раб: господи, бысть, якоже повелел еси, и еще место есть. И рече господин к рабу: изыди на пути и халуги и убеди внити, да наполнится дом мой, глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусит моея вечери» (Лк.14, 16-24).

Августин приводит этот текст в своем письме к Винсенту, старому приверженцу раскола Рогата, ставшего епископом Карфагена и обеспокоенного жестокими законами, изданными против донатистов в Африке. Августин отвечает ему так: «Предосторожности не всегда дружба и удары не всегда вражда…Ты думаешь, что никто не должен быть принуждаем к праведности; однако, ты читаешь, что отец семьи говорил своим слугам: *Всех, кого найдете, заставьте войти* (Лк.14,23); даже тот, кто из Савла стал Павлом, был через совершенное Христом насилие доведен и вынужден признать и хранить истину (Деян.9,3-7). Разве ты оцениваешь только деньги или какую-нибудь собственность, что было бы более драгоценным у людей, что она не есть сам свет, которого лишены глаза? Итак, Павел, брошенный на землю гласом, пришедшим с Неба, тотчас потерял этот свет и вновь нашел его только тогда, когда он был вотелеснен в Церковь [36]. А ты думаешь, что не нужно причинять никакого насилия человеку, чтобы освободить его от гибельного заблуждения, когда ты видишь на неоспоримых примерах, что Сам Бог действует подобным образом, Он, Который нас любит более, чем кто-либо, и ты слышишь, что Христос объявляет: *Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя привлечет его* (Ин.6, 44)? Выбор, совершающийся в сердцах всех тех, кто обращается к Нему страхом божественного гнева. Наконец, ты знаешь, что случается вору просыпать зерно, чтобы сбить с дороги стадо, и пастырю ударить кнутом, чтобы возвратить заблудших овец!» [37].

Такое толкование не встречается ни у предшествующих Августину Отцов, ни во всей той традиции, которой они следовали.

Действительно, для Отцов основанием жизни во Христе является синергия, соработничество свободной воли человека с Божественной благодатью. Слово, используемое в греческом (*anagkason*) и которое переводится как принуждать много раз встречается в Писании, а также его эквиваленты. Эти выражения не всегда означают физическое принуждение, напротив: «принуждают» словом, авторитетом, дружбой, настойчивостью… «Заставьте войти» означает: убедите войти, сделайте все, чтобы они сочли необходимым войти, не пренебрегайте никакими знаками внимания, чтобы их пригласить. Такой смысл естественен в греческом [38]. Иисус «понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону» (Мф.14,22 и Мк.6,45), не грубо принуждая их, но пользуясь Своим отеческим авторитетом; путники в Эммаус Клеопа и Лука понудили (*parebiasanto*) Того, Кто явился им, обедать с собою, тогда как Он собирался идти далее (Лк.24,29). Это произошло по их настойчивой просьбе.

Вот как монах Евфимий Зигабин, истолковавший в XII в. все Евангелия и собравший по этому предмету учение Отцов, толкует это место. Сначала он объясняет притчу, говоря, что Бог Отец и Творец призвал здесь человека по Своей любви к людям, приготовил пир, пир евангельского домостроительства, названный «вечерей» потому что он произошел в последние времена, как в вечер века сего. Призвание тех, кто не были годны — это призвание язычников, живущих «на распутиях» без защиты Божественного Закона и попираемых демонами, и на «стогнах града» тернистого греха. «Он дал приказ понудить (*anagkasai*) тех, кто идет из народов не для того, чтобы сказать, что им следует применить насилие (*biazesthai*),. Но чтобы заставить понять, что нужно прежде всего и очень долго настаивать на обращенной к ним проповеди, ибо они сильно находятся во власти демонов и обладаемы ими и спят в глубокой тьме обмана» [39].

Св. Феофилакт Болгарский [40] в своем «Толковании на Евангелие от Луки» так объясняет это место: «*Словом на распутия* намекается на скотоподобную и разделенную на многие мнения жизнь язычников, а словом и стогны указывается на жизнь их во грехах. Не просто повелевает позвать сих, но понудить, хотя вера есть дело произвола каждого (*kai toi proairetikon apasi to pisteuein*). Для того сказал он: понуди, дабы мы познали, что уверование язычников, находившихся в глубоком неведении, есть знамение великой силы Божией. Ибо если бы немного было силы у Проповедуемого и невелика была истина учения, то как люди, служащие идолам и совершающие постыдные дела, могли бы убедиться, вдруг познать истинного Бога и совершать духовную жизнь? Желая указать на чудность сего обращения и назвал оное понуждением. Как бы кто сказал: язычники и не желали оставить идолов и чувственных наслаждений, однакож истиною проповеди принуждены оставить их. Или иначе: сила знамений составляла великое побуждение обратиться к вере во Христа» [41].

Св. Иоанн Златоуст постоянно возвращается к мысли о том, что Бог не навязывает человеку никакой необходимости, и что нельзя никого принудить ни к добру, ни ко злу. Действие добродетели должно быть свободным. Желать принудить кого-нибудь быть праведным содержит противоречие в терминах. Добро не есть добро, если оно не благодеяние, говорит св. Василий Великий. Любое преследование запрещено, даже если оно принуждает к добру, потому что в этом случае это добро есть только скрытое зло. Основной аргумент Августина: Бог понуждает людей к вере карами и страхом, опровергнут св. Иоанном Златоустом не только потому, что люди не имеют права воображать себя Богом (аргумент, развитый Bayle), но потому, что Сам Бог как раз для того, чтобы нам позволить быть свободными, использует «розги», только очень бережно. Объясняя девятый псалом, св. Иоанн Златоуст говорит: «*Знаемь есть Господь судьбы творяй* (ст.17), т.е. наказуя, каря, отмщая. Видишь ли еще благодеяния от наказания? Оно не только делает наказуемых более ревностными, но и распространяет свет богопознания, и отсюда еще более можно видеть, как Бог печется о людях. Так, когда Он позволил, чтобы стадо свиней бросилось с утеса и утонуло в море, тогда люди особенно испугались (Мк.5,13-18). Ив ветхом завете иудеи, *егда убиваше я*, тогда взыскаху Его, как говорит пророк (Пс.77,34). Почему же Он не делает этого постоянно? Потому что желает, чтобы люди не насильно, а добровольно совершали дела добродетели, побуждаемые к тому не столько наказаниями, сколько благодеяниями. Но, скажут, не гораздо ли лучше быть добрым по принуждению, нежели злым по свободному расположению? НЕВОЗМОЖНО БЫТЬ ДОБРЫМ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ (ouk estin agathon einai anagkei). Кто добр только потому, что связан, тот не останется

добрым навсегда, но, получив свободу, возвратится ко злу; а кто воспитывается так, чтобы сделаться добрым по свободному расположению, и сделается таким, тот останется твердым в добре» [42].

Вне Истины нет ни Церкви, ни апостольского преемства

Вместе с правом на преследование Августин Иппонский ввел также другое новшество в христианство: экклисиологию, отделяющую содержание веры от апостольского преемства [43].

Для православного богословия, как оно было прекрасно выражено в III в. св. Киприаном Карфагенским, таинства и особенно таинство всех таинств еже есть Церковь, неотделимы от апостольской веры. Епископ является епископом, если его рукоположение законно совершено епископами Церкви и если его вера правильная. Если его вера не та, какую он исповедал в день своего епископского рукоположения, он перестает быть епископом, поскольку он стал самозванцем, кем-то, пользующимся властью, от которой он сам себя устранил. Иначе говоря, по слову св. Игнатия, там где епископ, там Церковь. Где нет Церкви, там нет ни священника, ни епископа (соответственно и наоборот: там, где епископ перестает быть епископом, там и поминающая его Церковь перестает быть Церковью. — *прим. пер.*). Епископ, как и священник, передает то, что он получил, залог веры. Благодать — это не магическая сила, данная в личную собственность епископам. Конечно, эта мысль находится в писаниях св. Киприана, а также в правилах Карфагенского Собора и в составленном совсем недавно *Пидалионе* св. Никодима Святогорца (XVIII в.) — толкователя канонов, пользующегося авторитетом в Православной Церкви. Примером такой экклисиологии служит правило 15-16 Двукратного Собора и его толкование св. Никодимом. Эти правила ставят вопрос: можно ли отделяться от своего епископа? Они отвечают, различая два случая:

а) Случай отделения из-за личных грехов,
которые могут быть крайне тяжелыми

«Что определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче (a fortiori) приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер или епископ или митрополит, дерзнет отступити от общения со своим патриархом, и не будет возносити имя его по определенному и установленному чину в божественном тайнодействии, но прежде соборнаго оглашения и совершеннаго осуждения его учинит раскол: таковому святый собор определил быти совершенно чужду всякаго священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии. Впрочем, сие определено и утверждено о тех, кои под предлогом некоторых обвинений отступают от своих предстоятелей, и творят расколы и расторгают единство Церкви» (Правило 15, первая часть).

Как объясняет св. Никодим [44], это правило применяет к Патриархам то, что два предшествующие правила (13 и 14) применяли уже к епископам и митрополитам, а именно: не позволено отделяться от них, если они преступники, то есть если они впали в блуд, кощунство или другой тяжкий грех. Священник должен продолжать поминать своего епископа на литургии, епископ — своего митрополита и митрополит своего патриарха, даже если они грешники, ожидая, что они будут осуждены. Только собор митрополитов имеет власть принять обвинение против патриарха и судить его.

Верный библейской традиции канонист тщательно отличает личный грех — нарушение закона, который Бог может изгладить, от ереси — изменения закона, делающего всякое общение с Богом невозможным. Епископ, который грешит лично, делает зло самому себе, тогда как еретик подвергает смертельной опасности вверенные ему души.

б) Случай законного разрыва
по вероучительным причинам

«Отделяющиеся от общения с предстоятелем ради некия ереси, осужденныя святыми Соборами или Отцами, когда, то есть он проповедует ересь всенародно и учит оной открыто в церкви таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом *прежде соборнаго разсмотрения* не токмо не подлежат положенной правилами епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство Церкви, но потщились охранити Церковь от расколов и разделений» (конец того же правила).

Если предстоятели, т.е. для священника его епископ, для епископа его митрополит, для митрополита его патриарх, суть еретики и публично проповедуют свою ересь, тогда те, кто отделяется от них далеко не раскольники, а напротив, сохраняют Церковь от раскола и ереси своих лжеепископов. Они достойны похвалы как православные христиане [45][xlv].

Ясно, что апостольское преемство, также как и священство, здесь неотделимы от содержания веры. Власть, которой обладает епископ для исполнения канонов, имеет смысл только если его вера православна, ибо сами каноны основаны на догматах. Иначе говоря, каноны не являются абстрактным построением, общим каноническим правом; они управляют конкретной жизнью Церкви и обеспечены и защищены епископами апостольского преемства и веры, идентичной по своему содержанию вере Апостолов и Отцов, которым они преемствуют.

Августин Иппонский, напротив, полагал, что у донатистов — вне тела Церкви Христовой — такие же таинства, но в то же время приводящие к духовной смерти. Таким образом, донатист крещен правильно или действительно во имя Отца, Сына и Св. Духа, но поскольку он отделен от Кафолической Церкви, если он умрет после своего крещения, то он осужден. Иначе говоря, он крещен, если можно так сказать, для своей погибели.

Систематизируя рассуждения Августина, схоластики пришли к знаменитой теории таинств *ex opere operato*. В таинстве различаются форма и материя. Форма обладает своей действительностью и эта действительность может даже быть действенной [46]. Применительно к апостольскому преемству, такая концепция мало-помалу стала чистой и простой магией. Епископ рукоположен законным образом, если он рукоположен двумя другими епископами, которые также были законно рукоположенными — какая бы ни была вера того и другого. Можно даже представить, что рукополагающий не верит, что он совершает таинство. Такое явно было в случае англиканских рукоположений, когда перед англиканскими и католическими богословами встали такие проблемы. Усиленная схоластической теорией о тварной благодати, такая концепция приводит к тому, что индивид делается обладателем тварной силы, данной Богом однажды всем. Благодать Св. Духа больше не является энергией пресущественной Троицы, но тварным даром, передаваемым от одного к

другому через века. Действительность одинакова для всех. Тогда встает вопрос о *законности*, даруемой, в конце концов, папством.

В такой концепции если епископ учит с амвона ереси, бессмысленно отделятся от него, потому что он сообщает таинства законным способом. Его ересь — только его и не сквернит ни веру его со-епископов, ни веру его паствы. Таким образом, уйти от него — абсурд. Поступающие так теряют свою *законность*, но не свою действительность: они хорошие епископы, пусть даже они отделены от своей Церкви.

Такая экклисиология, которой очень сложно дать формулировку, так что мы вынуждены здесь только резюмировать, завела в противоречия и в ужасные тупики тех, кто задается вопросом о продолжении апостольского и святоотеческого учения на Западе. Во-первых, эта экклисиология позволила оправдывать гонение: тому, кто действительно крещен, посвящен или рукоположен, какой смысл возвращаться в Церковь, если его к этому не принуждают? В XVII в. главными жертвами такой экклисиологии, усвоенной в целом Французской церковью, стали протестанты.

Затем, что делать, если церковная власть — например, на Западе папство — решает навязать что-нибудь догматически ложное? Это была драма Пор-Рояля и Арноля, когда они были осуждены по пяти предложениям и когда их заставили подписать бланк. Они волей-неволей продолжали создавать всякие виды казуистических различий, например, различие дела и права в области, которая для них касалась сущности догматов христианской веры. Паскаль, их самый искренний друг, упрекал Арноля в таком отношении и писал в своих *Мыслях:* «Если мои писания осуждены в Риме, то то, что я там осуждаю, осуждено на небе». К несчастью, ни один разрыв общения уже не был возможен в рамках августиновского богословия; и рискующие так сделать всегда оказывались *храмлющими на обе плесне*, не желая ни возвращаться назад, ни войти в Православную Церковь. Старокатолики — пример такой неудачи — основывали свое возможное объединение с Православием не на единстве веры, но на взаимном уважении к учению и «церковности» каждой из Церквей.

Парадокс такой экклисиологии, дожившей со времен Августина и схоластики до наших дней, таким образом, прост: отделяя догмат от таинства, веру от Церкви, апостольское преемство от Православия, правильность обряда от правильности веры, можно, как раз в рамках экуменического движения, признать множество церквей и сект в самом деле христианскими.

В то же время он совершенно не мешает релятивизировать догматы, поскольку ложное и еретическое учение не лишает ни таинств, ни апостольского преемства, ни Церкви. Зато становится очень важным взаимное признание. Критерием является теперь уже не вера, но число действительных Церквей, признающих друг друга. Не признающие других являются фанатиками, верящими только в свою действительность — их нужно на долгий срок заставить исчезнуть, уйти в сторону, говоря, что они никем не признаны. Признание — не вера — должно быть критерием; признание предшествует вере, а не наоборот. Такое признание, дипломатическое и заинтересованное, служит контраргументом на всякий вопрос по существу; предназначенное для успокоения и обмана тех, кто не знает церковной истории, оно высокопарно прикрывается именем любви. У тех, кто не признает других, отсутствует любовь. И это было бы действительно правдой, если бы Бог не придавал никакого значения содержанию веры.

Эта экклисиология — экклисиология экуменического движения, когда она у него одна. Она особенно хорошо объяснена о. Конгаром в его предисловии к писаниям св. Августина против донатистов, изданным в Bibliotèque augustinienne. Она очень связна, даже если о. Конгар забывает сказать, что эти же тексты вот уже века служат для наглого оправдания гонения. Она также однозначно показывает лицемерие богословского диалога, который, по сути, служит лишь для того, чтобы некоторые преподаватели семинарий прослыли богословами. Действительно, если все признают друг друга, если Рим признает Константинополь и наоборот, если все являются Церковью, хотя и разделенной, с теми же таинствами и тем же апостольским преемством, тогда зачем скучать в бесполезных ухищрениях богословского диалога, не имеющего смысла? Если догматы не являются серьезной причиной для разделения, то в самом деле нужно поспешить объединиться, потому что люди уже убежденные и согласные между собой обнаруживали бы этим отсутствие любви.

Также может быть, что, хорошо поискав, найдут, что единственная причина, оправдывающая тот факт, что уния до сих пор не заключена — дипломатическая. Сильно давя на ход событий, епископы Константинополя и Рима рисковали бы грубо обойтись с привычным образом мысли некоторых народов, особенно православных в Греции, России, Сербии, все ещё наивно верящих в то, что их епископы, как некогда древние Отцы, будут им говорить о важности догматических различий. А потом есть еще и эти зилоты, которых, опасаясь очень большого беспорядка, который они могут устроить, нужно сначала выдать за сектантов, то есть людей «не признанных».

Мы оставляем эти слишком достоверные предположения, чтобы подчеркнуть одно: экклисиология, лежащая в основе экуменического движения — не православного и не святоотеческого происхождения. Она происходит из политического августинизма и схоластики; она служила военным крестовым походам прошлого; сегодня она служит более *мягким* крестовым походам, которые хотя и не называются так, но, если судить по тому, что недавно произошло на Афонской Горе, пользуются отнюдь не христианскими, даже безжалостными методами.

В) Является ли Константинопольская патриархия центром Православия?

Чтобы ответить на этот вопрос, один из наших друзей подсказал нам для начала открыть *Жития святых*. Если Константинопольская патриархия является критерием Православия, то многочисленные доказательства этого факта должно искать именно там, в той живой энциклопедии православной веры и предания, которой и являются синаксари.

Напротив, мы нашли в этих синаксарях (или по-русски житиях) самое яркое доказательство того, что именно православная вера, ее правильность, является критерием откровенной истины, а не принадлежность к той или иной конкретной Церкви, будь она русской, греческой, сербской или французской, Константинополем или Москвой.

Мы приведем примеры, происходившие на канонической территории Константинопольского патриархата, Нового Рима, а также на Афонской Горе, поскольку нынешние правители Фанара считают ее относящейся к территории этого патриархата.

Несторий был патриархом Константинополя, и когда он начал проповедовать свою ересь, верующие и священники отделились от него и отказались поминать его имя на литургии. Об этом мы имеем свидетельство в житии св. Ипатия Руфианского, память которого совершается 31 марта:

«Когда Несторий, находясь в свите ставшего военачальником [47] восточной армии Дионисия, отправился из Антиохии, чтобы принять титул патриарха именитого царствующего града Константинополя, св. Ипатию было видение в тот момент, когда Несторий приближался к Граду. Он видел во св. церкви Столицы мірян, усаживающих Нестория на престол [48]; и тотчас голос возвестил: «Через три с половиной года этот плевел будет исторгнут». Тогда св. Ипатий начал говорить некоторым, а именно братьям своего монастыря: «Я очень беспокоюсь об этом, только что прибывшем, человеке, дети мои, потому что я видел, что он вскоре отвратится от веры; но он будет править только три с половиной года». Случайно Несторий узнал то, что говорил о нем св. Ипатий и поэтому, когда он проезжал близ монастыря святого, он отказался войти туда, чтобы его встретить, хотя он был совсем рядом с ним и посетил во время своего путешествия в Столицу все монастыри и всех игуменов и сановников Церкви. Как только он был введен во град и вступил в владение патриаршим престолом, он немедленно послал к св. Ипатию своих клириков, с таким приказом: «Идите скажите этому пустому мечтателю: Я правлю вот уже второй год в Граде и чем станут твои сновидения?». Св. Ипатий отвечал ему: «Скажи Патриарху, что если то, что я видел, произойдет, то это было откровение; в противном случае это был сон, воображение, которое я имел как человек». Смущенный этим ответом, который доставили ему посланцы, Несторий через некоторое время послал других посланцев, чтобы попытаться поймать его в западню собственными словами. Но, подвергнув его испытанию, ставя перед ним вопросы праздные и бесполезные, они не только не смогли уловить его в словах, но исполнились удивления о нем, ибо поняли, насколько велик был разум святого. По этой причине Несторий оставил его в покое и не посылал больше к нему. Прошли три года, злое сокровище сердца Несториева начало мало-помалу обнаруживаться. В самом деле, он принялся говорить в своих проповедях мерзости о Господе, которые должны были пасть на главу его и которые мы не дерзаем повторить. Этот порочный человек не знал Святых Писаний, говорящих: «Кто изъяснит Его рождение?» и «Не ищи того, что гораздо глубже тебя». Когда св. Ипатий узнал, что Несторий стал учить противно истине, он немедленно вычеркнул его имя из диптихов церкви Святых Апостолов, дабы оно не поминалось за святой литургией.

Когда это узнал благочестивейший епископ Евлалий, он забеспокоился о последствиях этого поступка. Видя, что молва о таком поступке святого распространяется, Несторий приказал ему строго наказать Ипатия. Ибо Несторий был всевластен во Граде. Епископ Евлалий обратился к Ипатию с такими словами: «Почему ты возносил его имя, не думая о будущих последствиях?». Святой отвечал: «Как только я узнал, что он говорит неправославно о Господе, я прекратил всякое общение с ним и не поминаю его имя, ибо он не епископ». Тогда епископ в гневе говорит: «Довольно! Исправь то, что ты сделал, ибо я могу наказать тебя». Св. Ипатий отвечал: «Делай что хочешь. Я решил все претерпеть и с этим решением я сделал то, что сделал». Итак, когда Несторий отбыл в Эфес и собрался Собор, в день, когда он должен был быть смещен, св. Ипатий видел в видении, что ангел Господень взял св. Иоанна Апостола и привел его к благочестивейшему Императору, говоря: «Скажи Императору: Произнеси твой приговор на Нестория». Именно в таких словах Император произнес свой приговор. Св. Ипатий заметил день и подтвердилось, что Несторий был низложен в этот самый день,

по прошествии трех с половиной лет, как Господь предсказал святому. И через несколько дней декрет о низложении был доставлен в Константинополь. Когда его оглашали перед клиром и народом, епископ Евлалий и св. Ипатий, тот и другой, присутствовали в церкви».

Из этого примера ясно видно, что православные священники отказались поминать имя патриарха на литургии — и это прежде всякого осуждения его собором. Они считали, что Несторий *не был епископом* — и это до того как его ересь была осуждена на Третьем Вселенском Соборе в Эфесе (431). Действительно, ересь есть ересь независимо от того, была или не была она осуждена собором.

Житие св. Максима Исповедника показывает еще более ясный пример такого же отношения. В то время как все патриархаты, по убеждению или боясь гнева императора, стали монофелитскими, св. Максим, будучи простым монахом, отказался с ними причащаться. Для него под вопросом была не каноничность этих Церквей, но прежде всего их православие. Без правой веры кому нужна их предполагаемая «каноничность»? Когда посланцы патриархии пришли повидать его в тюрьме, они пытались убедить его, что он находится вне Церкви, поскольку все Поместные Церкви были официально монофелитскими. Они говорили ему: «К какой Церкви ты принадлежишь? К Константинопольской, Римской, Антиохийской, Александрийской или Иерусалимской? Ведь все эти Церкви с подвластными им епархиями объединились между собой. Итак, если ты, как говоришь, принадлежишь к Кафолической Церкви, то соединись со всеми, чтобы, вводя в жизнь новый и странный путь, не подвергнуться тому, чего не ожидаешь!» на что святой ответил: «Господь Христос назвал Кафолической Церковью истинное и спасительное исповедание веры в Него, назвав блаженным Петра за то, что он исповедовал Его и объявил, что Он построит Свою Церковь на этом исповедании. Однако я желаю знать содержание вашего исповедания, на котором основывается, как вы говорите, единство всех Церквей. Если оно не противоречит истине, я более не буду удаляться от него». Затем, видя, что это исповедание отходит от истины, св. Максим отказался подписать его.

Гораздо ранее, когда Римский патриархат, несмотря на заявления посланцев патриархии, еще был православным и осудил монофелитство восточных патриархов, св. Максим исповедал, что, утеряв православную веру, патриархи этих кафедр утеряли апостольский авторитет и, таким образом, «власть вязать и решить». Он ясно говорит: «Они были смещены и лишены сана на Поместном Соборе, состоявшемся недавно в Риме. Поэтому какие таинства они могут совершать? Или какой дух низшел на тех, кого они рукоположили?».

Его враги старались вовлечь его в бесполезные прения, ставя ему следующий вопрос: «Значит, ты только один спасешься, тогда как все остальные погибнут?».

Но святой с великой мудростью Св. Духа, почивавшего на нем, отвечал: «Никого не обвинили три отрока, не поклонившиеся истукану, когда все поклонились, ибо они заботились не о делах других (людей), но о том, чтобы самим не отпасть от истины. Так и Даниил, вверженный в ров со львами, не осуждал никого из тех, кои не поклонялись Богу по указу Дария, но позаботился о себе самом и предпочел умереть, а не отпасть от Бога и подвергнуться бичеванию своей совести за преступление божественных законов. И мне не дай Бог осудить кого-либо, или сказать, что я один спасусь, но сколько могу,

предпочту смерть, чем страх иметь перед совестью за то, что я каким-либо образом преступил веру в Бога».

— И что ты можешь сделать, если римляне вступают в единение с византийцами, ибо вот вчера пришли апокрисиарии римские и завтра, в воскресенье, будут в общении (за литургией и евхаристией) с патриархом.

— Если даже вся вселенная будет в общении с патриархом, я не буду в общении с ним. Я знаю, что Дух Святый анафематствовал чрез Апостола (Гал.1,8) даже ангелов, вводящих что-либо новое и чуждое проповеди евангельской и апостольской».

Видно, что позиция св. Максима была столь ясной, что стяжала ему имя Исповедника: *именно апостольская, библейская и святоотеческая вера является критерием, а не патриархии, Поместные Церкви сами по себе. Если они перестают исповедовать принятую до этого веру, нужно отделяться от них, потому что они перестали обладать властью, которую Христос дал апостолам и их преемникам епископам* [49].

Мы можем, вслед за св. Максимом, привести пример св. Феодора Студита, отказавшегося во время иконоборческого гонения быть в общении с патриархами-иконоборцами и даже с православным патриархом, когда он из страха нарушил каноны, благословив четвертый брак императора.

Отметим еще, что такая православная реакция была подтверждена канонами Двукратного Собора, цитированными нами выше.

Лучше мы остановимся на примере афонских монахов в эпоху Лионского собора. История его известна.

Михаил VIII Палеолог (1258-1282) вошел в Константинополь под радостные крики толпы: отбыв из Никеи, он постепенно освободил Империю, попавшую в руки латинских варваров, разграбивших Константинополь в 1204г. В 1261г. латинская империя больше не существовала, а Империя христианских императоров снова процветала. К несчастью, перед лицом турецкой угрозы Михаил искал союза с Западом и нашел его в унии Церквей. Это было достигнуто подписанием Лионской унии в 1274 г., основанной на принятии православными ересей папства. Эта уния была не в состоянии помочь Империи, но она принесла столько великих зол для православного народа, что Михаил VIII умер ненавидимый и отвергнутый теми, кто восхвалял его несколькими годами раньше. Действительно, уния сопровождалась жестоким преследованием тех, кто ее не принял; первыми среди них были монахи Афонской Горы. Посланные Иоанном Векком — латинствующим патриархом Константинополя — солдаты их топили, вешали, сжигали живыми в их монастырях.

У нас есть также замечательно изданные и частично переведенные тексты этого спора между Константинопольским патриархом и афонскими монахами [50]. Эти тексты позволяют определить, как поступали православные в ситуации, подобной той, с которой мы сталкиваемся сегодня.

Тексты этого тома происходят из различных источников. Там находится *Ответ патриарха Иосифа на проект императорской унии* (июнь 1273), также его «проповедь», его «исповедание веры» и его «завещание»; труды латинствующего

патриарха Иоанна Векка; соборные деяния, каноны, Синодик против Иоанна Векка; сочинения, опровергающие латинские ереси и Лионскую унию, среди которых замечательная поэма Мелетия Исповедника; послание православных противников ложной унии (Афанасия II Александрийского, монаха Лазаря); материалы о спорах православных с преследующими их властями, такие как *Процесс Никифора* (кон.1276); также два послания святогорских монахов, адресованные одно — императору, другое — синоду.

Вообще эти документы начинаются с разъяснения важности пунктов расхождения с латинянами, а именно самого существенного — учения об исхождении Св. Духа: исхождение только от Отца, согласно православным, двойное исхождение, согласно латинянам. Исходя из этого афонские монахи исповедуют, что не только нельзя поминать папу, но не позволено даже считать православными тех, кто его поминает, ни молиться с ними даже в доме, в частности:

«Точно определено в 15 правиле святого и великого Собора, названного Двукратным, что отнюдь не виновны, но достойны всяческой похвалы отделяющиеся прежде даже соборного осуждения от тех, кто публично учит еретическим мнениям и открыто суть еретики; не против епископов они устраивают раскол, но против лже-епископов и лже-учителей и то, что они делают, достойно похвалы и на пользу православным христианам, потому что это не раскол против Церкви, но главным образом отвержение разделений и преданность истине. Итак, как будет допустимо и приятно Богу наше объединение с теми, от которых мы отделились справедливо и по канонам, тогда как они остались непоколебимы в своих ересях? Если мы допускаем сие, то этим одним нарушением мы разрушаем все православие и так становимся виновными во всех нарушениях, совершенных теми, кого недостойно приняли. Священные и божественные каноны действительно говорят: «Если кто-нибудь, даже в доме, молится с отлученным, да будет отлучен». И в другом месте: «Общающийся с отлученными да будет отлучен как нарушивший правило Церкви». И еще: «Принявший еретика подпадает под те же обвинения, что и он». Следовательно, все обвинения, за которые они должны ответить, отяготят также и нас, если принимаем этих людей, согласно божественным канонам, которые говорят в Духе [51]».

Процесс монаха Никифора, который был сослан и мучим за то, что он не поминал ни императора, ни патриарха, особенно примечателен.

Никифор отказался объединиться с представителями Векка и в то же время утверждал, что гонение — это анти-христианский принцип: «Мы молим вас также послушать наше слово. Так решили святые апостолы и наши Отцы: в синодальных спорах каждый имеет возможность бесстрашно сказать о своем собственном понимании веры то, что он хочет, и не должно подвергать угрозам и наказаниям тех, кто не хочет разделять с нами общение. Какое Евангелие или какой апостол научил вас наказывать и притеснять тех, кто не желает последовать вам?» [52].

Другой текст, анонимный, написанный против Иоанна Векка, приводит пример св. Феодора Студита в качестве оправдания не поминать Константинопольского патриарха: «Итак, если сей святой и великий исповедник Феодор, тогда как эти императоры были православны и не заслуживали никакого упрека в вере православной, но единственно потому, что они совершили нечто незаконное и совершили каждый со своей стороны некоторое неканоническое деяние, ради сего не только сам отделился от

общения с ними, но прекратил их поминовение в божественных собраниях, то что же теперь мы делаем неправильного или необычного, если по страху Божию презираем славу человеческую? Если мы не достигли степени божественных отцов, то мы виновны! Но если мы следуем святым, почему мы преследуемы?» [53].

В том же сборнике находится еще письмо патриарха Афанасия II Александрийского, современника этих событий, который оправдывает тех, кто не поминает молящихся вместе с Векком.

Эти документы Лионского Собора показывают, что монахи отказывались поминать Константинопольского патриарха Векка просто потому что он признавал и молился с теми, у кого другая вера, а именно об исхождении Св. Духа. Поступая так, монахи исполняли апостольские правила, осуждающие совместную молитву с теми, у кого другое исповедание веры.

Процитируем кратко эти апостольские правила и выдержки из толкований Вальсамона, Аристина, Зонары и св. Никодима, голос которых был признан Православной Церковью верно выражающим ее мысль, т. е. «ум Христов» [54].

Правило 10 Апостолов

«Аще кто с отлученным от общения церковнаго помолится, хотя бы то было в доме: таковый да будет отлучен».

Термин *отлученный*, объясняет св. Никодим, может иметь три значения: 1) тот, кто молится в церкви с другими христианами, но не причащается божественный Таин; 2) тот, кто был отлучен от церкви и от общей молитвы; 3) клирик, отлученный от братства, к которому он принадлежал: епископ, отлученный от тела своих со-епископов и т.д. Здесь слово использовано во втором смысле. Всякий, неважно міpянин или клирик, кто молится с тем, кто за грех был отлучен от собрания верных, даже если он молится с ним не в церкви, а в доме, должен быть отлучен. Действительно, — объясняет Зонара, — связь, которую он завязывает с отлученным, кто бы ни был таковой, тяжко оскорбляет того, кто принял отлучение, как совершившего несправедливость. Молиться с отлученными (*aphorismenou*) — говорит Вальсамон, — пусть это было бы в церкви или вне ее, также запрещено; зато мы не запрещаем говорить с ним [55].

Правило 11 Апостолов

«Аще кто, принадлежа к клиру, с изверженным от клира молитися будет: да будет извержен и сам».

Здесь Вальсамон уточняет, что слова «молитися с» некоторые поняли в значении «сослужить». «Но такое понимание мне кажется неправильным, — продолжает Вальсамон, — ибо правило относится ко всякому изверженному клирику [56], а не только священнику. Цель правила — наказать любого клирика, кто молится каким бы то ни было способом, с каким бы то ни было изверженным клириком, который после своего извержения совершает какое-либо церковное действие» [57]. Св. Никодим добавляет: «Если клирик молится с клириком изверженным и, тем не менее,

осмеливающимся действовать как клирик, или изверженным за грех и впавшим в тот же грех вновь, первый должен быть также извержен».

Правило 45 Апостолов

«Епископ или пресвитер или диакон с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен. Аще же позволит им действовать что-либо, яко служителям Церкви: да будет извержен».

Таким образом, если клирик помолился с еретиками, но не сослужил с ними в богослужении, должен быть на время лишен права совершать церковные таинства: но если он позволил им совершить церковное действие, должен быть извергнут согласно вышеуказанному 11 правилу.

Здесь Вальсамон спрашивает: почему они просто временно запрещены (т.е. временно извержены), а не отлучены как те, кто молится с отлученным (прав.10)? Ответ: здесь не идет речь о совместной молитве в церкви. Ибо это, как факт признания за еретиками возможности совершать церковные действия, влечет за собой извержение (правило 46). Нет, здесь syneuxasthai (молиться вместе с) означает просто факт вхождения в общение (koinonesai) и дружеского расположения к молитвам еретика [58] (*hemerteron diatethenai epi tei euchei tou airetikou*). Ибо мы должны ими гнушаться (*bdeluttesthai*) как нечистыми (*muse*) и не жить в близких отношениях с ними. Поэтому временное запрещение является достаточным наказанием [59].

Итак, есть различие между отлученным от Церкви за личные грехи и еретиком, который отделился от нее, проповедуя лжеучение, и с которым даже не позволено разговаривать. Именно так поступали св. Отцы: св. Иоанн Богослов отказался войти в баню, где находился Керинф (св. Ириней Лионский *Против Ересей*, 3.3); св. Киприан так убеждал своих верных: «Бегите заразы таких людей, бегите общения с ними как чумы и язвы» [59]. Еретик — это тяжелобольной, отлученный от православного, и поэтому закон, устанавливающий отношения между тем и другим, очень строг к еретику, распространяющему свое душегубительное учение.

Добавим наше замечание к этому толкованию. Совершенно ясно, что в то время как это правило четко запрещает здороваться (euxasthai) с еретиками и сообразуется, таким образом, с тем, чему учит Апостол любви [60], *Энциклика* 1920 г. предписывает: «Обмен братскими посланиями [с инославными] по случаю больших годовых церковных праздников…» [61].

Правило 46 Апостолов

«Епископа или пресвитера, принявших крещение или жертву еретиков, извергати повелеваем. Кое бо согласие Христови с велиаром? или кая часть верному с неверным?»

Действительно, роль епископа или священника — увещать еретиков осознать свое заблуждение и возвращать их к истине. Считающий действительным одно из их литургических действий, разделяет и их взгляды и теряет ревность к освобождению их от их ложной веры. Вальсамон сообщает [68][lxiii], что Константинопольский Собор,

видя епископов, которые вместо того чтобы оплевать и презирать еретические писания, просто бросали на них взгляд, изверг их самым законным образом (*ennomotata*).

Правило 65 Апостолов

«Аще кто из клира или мірянин, в синагогу иудейскую или еретическую войдет помолитися: до будет и от чина священнаго извержен, и отлучен от общения церковнаго».

Церковь или собрание еретиков должно не почитать, но презирать, потому что их вера противоречит вере православных христиан. Правило 45 относится к общению с еретиками; здесь речь идет о молитвах, совершаемых в их церквах. Некоторые толкователи так распределяют указанное наказание: клирик, входящий в еретическую церковь для молитвы, должен быть извержен; мірянин, совершающий то же самое, будет отлучен. Впрочем, одобренный Вальсамоном Арменопулос объясняет это правило так: мірянин будет отлучен, клирик извержен и отлучен [63].

Из чтения этих правил, подтвержденных Вселенскими Соборами, а также *Синодиком Православия*, следует, что критерием Православия является содержание веры, и что всякое церковное действие должно соответствовать исповедуемой вере. Этим подразумевается, что отказ войти в общение с теми, у кого другая вера, что прекращение поминовения епископа, оставившего, даже в чем-то малом, апостольскую веру — это *долг* независимо от того, было соборное решение или нет. Правило 15 Двукратного Собора категорично: епископ-грешник, но не осужденный собором, остается епископом и никто не имеет права отделиться от него; епископ-еретик, хотя и не осужденный собором, перестает быть епископом, и должно немедленно отложиться от него. Такова постоянная практика Церкви, и история дает для этого все доказательства каждый раз, когда догматы или предание были искажены.

Приведем последний пример, менее известный, — пример св. Григория Паламы, прекратившего поминовение Константинопольского патриарха анти-исихаста Иоанна Калеки. Этот последний в 1344 г. действительно отлучил св. Григория Паламу, которого он обвинял в ложной интерпретации Собора 1341 г. и изъятии имени патриарха из диптихов, читаемых за божественной литургией. Св. Григорий Палама отверг *Томос* Калеки и ни во что же вменил прещения патриарха-антиисихаста:

«Принадлежащие Церкви Христовой ходят в истине; если кто-нибудь не ходит в истине, он совершенно не принадлежит Церкви Христовой. Это *a fortiori* случай тех, которые показывают на себя самих, величают себя и заставляют называть себя пастырями и архипастырями; ибо мы знаем, что христианство — не во внешней видимости, но в истине и в правильности веры». Если епископы остаются верны преданию и поступают в согласии с полнотой Церкви, они пребывают в истине. Но если они оставляют Православие, то они теряют не только свой непререкаемый авторитет, но даже свою принадлежность к христианству, и их анафемы бесполезны [64].

Дверь, вводящая в Церковь — это Истина. Такова первая степень понимания ее таинства. Поэтому грех против истины — самый тяжелый. И поэтому также нет более великой истины, чем борьба за истину [65].

Такое отождествление епископской власти с исповеданием веры — столь же древнее, как и христианство — еще более ясно выражено у другого известного исихаста XVIII в. св. Паисия Величковского: «Вы спрашиваете меня также, снимал ли когда-нибудь в Восточной Церкви собор анафему. И я вам отвечаю: может ли быть такой собор, который не был бы противником Богу и Святой Церкви, был бы собран для затемнения истины и подтверждения заблуждения? Такого собора не может быть. Вы спрашиваете меня, могут ли епископы снять такую анафему без признания и согласия собора епископов и патриархов? И я вам говорю, что это невозможно. Твердо помните, что все епископы получают ту же благодать Св. Духа, когда они рукоположены и им поручено точно заботиться о чистоте и непорочности православной веры. Они должны также сохранять апостольские Предания и правила Св. Апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и Св. Отцов, которые все образуют Святую, Кафолическую и Апостольскую Церковь. Они получили от Св. Духа власть убеждать, следуя порядку, установленному Св. Апостолами в Св. Церкви. Епископы не получили от Св. Духа власть разрушать апостольские предания и правила церковные. Поэтому ни епископы, ни патриархи не могут снять анафему, наложенную на противников Церкви в согласии со Св. Соборами. Кто-либо, поступающий так, будет противником Богу и Св. Церкви…» [66].

Здесь св. Паисий выражает основную идею православного предания, а именно, что даже Вселенский Собор, то есть Собор всех Поместных Церквей, не имеет власти изменять правила и веру Церкви. Собор является Собором только если он подтверждает предшествующие соборы и сам принят сознанием Церкви; без этого это только лже-собор, каково бы ни было число составивших его епископов.

Именно о таком соборе пророчествовал в XIX в. Косьма Фламмиат, когда он говорил, что грядет великий собор, который организует разрушение Православия.

Именно таким собором считают сегодня зилоты тот собор, который готовится в Константинополе и Шамбези — швейцарском центре вселенской патриархии. Новый патриарх Варфоломей, получивший образование в Риме в Григориануме, был представлен как реформатор канонического порядка Православной Церкви. Католический журнал *Irénikon* действительно пишет: «Среди многих качеств нового патриарха… отмечают авторитет, который он снискал себе в области канонического права. Он, конечно, один из самых убежденных в необходимости для Православия пересмотреть свое каноническое право и его кодифицировать. Но он также один из тех, кто учитывает каноническую работу, совершенную Римом. В своей диссертации 1970 г. и особенно в докладе, представленном на I Конгрессе Общества по Праву восточных Церквей в 1971 г., Варфоломей, среди элементов, которые необходимо учитывать при составлении нового православного законодательства, указал на последнем месте «предписания *Кодекса для восточных Католиков* и, может быть, даже латинского *Codex Juris Canonici*«. Он добавлял тогда: «Это также имеет экуменическое значение, ибо Римо-Католическая Церковь и Православная Церковь, обладая многими общими аспектами своей церковной жизни, все более и более сближаются друг с другом и это столь чаемое примирение и единство двух частей, может быть этим облегчено» [67].

Видя, как он использует полицию на Св. Горе для продвижения своих реформаторских проектов, мы вправе опасаться худшего.

C) Вопрос экуменизма

Люди, желающие казаться «развитыми», и вся ученость которых состоит в том, чтобы преуспевать в незнании церковной истории и предания, их сложности, тонкости, их духовного богатства, легко говорят: Константинопольская патриархия имеет основания гнать этих монахов, поскольку они отвергают экуменизм — эту форму прогресса в Церкви. На это мы ответили: незаконное использование силы — не прогресс, а скорее регресс. Но зачастую у этих «нео-православных» отсутствуют элементарные познания в сравнительном религиоведении. Католицизм и протестантизм — это не Православие. Если экуменизмом называют изучение традиций апостольской и святоотеческой Церкви, все большее приближение к учению Христа, а не общую релятивизацию каждого догмата — католик или протестант имеет все причины законно быть «экуменистом», по крайней мере на первое время.

Действительно, католик, изучающий традицию своей церкви, не может не ощущать некой тревоги, видя разрывы, противоречия, вставки, эволюции, которыми усеяна ее история. Найти единство там трудно, кроме очень позднего единства, навязанного папской непогрешимостью [68]. Итак, сам этот догмат, кажущийся сегодня таким центральным, так свойственным католицизму, принят только немногим более века назад, I Ватиканским Собором 1870 г.

В Древней Церкви такое учение было совершенно невозможным. Мы знаем это по деяниям и канонам Соборов, по писаниям Св. Отцов, житиям святых и другим памятникам истории Церкви [69]; и особенно по посланиям папы св. Григория Великого, спорившего со св. Иоанном Младшим, Патриархом Константинополя по поводу термина «Вселенский Патриарх», который Иоанн собирался себе присвоить [70] и который, согласно св. Григорию, подразумевал превосходство над другими патриархами, превосходство ложное, горделивое и исполненное опасностей для Церкви. Вся критика, которую св. Григорий обрушил на выражение «Вселенский Патриарх», больше всего применима к учению о непогрешимости. «Константинопольская Церковь, — говорит он, — породила епископов, впавших в бездну ереси и даже ставших ересиархами. Именно из нее вышел Несторий … Именно из нее вышел Македоний, не признававший Св. Духа Богом, единосущным Отцу и Сыну. Если, таким образом, кто-нибудь узурпирует в Церкви название, объединяющее в себе всех верных, вселенскую Церковь, о богохульство, то он падет вместе с ним, поскольку он заставил называть себя вселенским! Итак, пусть все христиане отвергнут это богохульное название, которое похищает священническое достоинство всех священников, лишь только оно безумно узурпировано одним» [71]. Для св. Григория церковная власть концентрируется в епископате, а не в том или ином епископе, каково бы ни было его положение в иерархии.

Но в XVI, XVII и XVIII вв. выдвинутое со стороны меньшинства богословов, как правило иезуитов, первенство папы над собором в вопросах веры и церковных правил, абсолютно не было признано Французской церковью. По другим вопросам было то же самое, как например, по вопросу о благодати и предопределении, когда сторонники самого строгого августинизма то побеждали, то были осуждаемы; или еще по поводу Непорочного Зачатия, которое стало догматом только в XIX в., после того, как он был оспорен большей частью восточных богословов. Так, Бернард Клервосский и Фома Аквинат относились к нему неприязненно. И именно иезуиты тогда с успехом навязали «свой» догмат.

Одним словом, по многим существенным вопросам в течение веков в богословии царила настоящая «гражданская война», вызванная невозможностью примирить или согласовать традиции Древней Церкви и святоотеческого богословия с принципами спекулятивного метода, опиравшегося на труды Августина.

Богословие епископа Иппонского, основанное на платонизме,произвольно развиваемое в спорах, было одновременно противоречивым, спорным по многим пунктам и невежественным в писаниях греческих Отцов, особенно Великих Каннодокийцев.

Все это приводит к тому, что встреча с православной традицией крайне интересна для католика: действительно, — может он сказать себе, — вот Церковь, незнакомая со схоластикой, с ее тщетными и бесполезными спекуляциями, не знающая всего тиранического августино-ансельмова учения о передаваемой виновности и гневе Божием, утоленном Крестом. Ведь это учение превратило радостную весть Евангелия в утопическую и ужасную систему.

Искренний католик может очень хорошо предположить, и справедливо, что он не найдет в Православной Церкви всего того, что удалило людей Запада от их собственной церкви, а именно феодального понятия о Боге, превращающем человечество в некую *massa damnata*, из которой некоторые люди извлечены судом предопределения.

Также и искренний протестант имеет все причины быть экуменистом, поскольку он исходит из той же богословской традиции, что и католик, хотя Лютер и Кальвин реформировали некоторые особенно шокирующие аспекты католической практики, например, индульгенции. В то же время исторический протестантизм уже давно задался вопросом о вере и практике Древней Церкви и ее единстве.

Впрочем, множество сект, которое представляет собой протестантизм, создает дух терпимости, еще больший, чем тот, который царит в католицизме.

Некоторые православные также приняли участие в начале экуменического диалога с целью свидетельствовать о Православии. Можно указать на о. Георгия Флоровского.

Однако, если интерес к экуменическому движению не противоречит по своей природе духу протестантизма, если участие в этом движении может быть, кроме того, эволюцией внутри Католической церкви, он фундаментально противоречит теандрической, богочеловеческой природе Православной Церкви.

Церковь — это богочеловеческое тело Христово, таинство по преимуществу. Как говорит о. Иустин Попович: «В христианстве Истина — это не философская идея, ни теория, ни учение, ни система знаний, но живая богочеловеческая Личность — исторический Иисус Христос (Ин 14,6)… Христос повторяет все Свое учение и весь Свой труд в Своей богочеловеческой личности и объясняет их Сам. Поэтому Православная Апостольская Церковь сводит полноту христианства к животворящей Личности Богочеловека Христа… Церковь — это ничто другое как Бого-Человек, Христос, продолженный во все века: «Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Мф.28,20; ср. Еф.1,21-23). Бого-Человек — глава Тела Церкви (Кол. 1,18; Еф.1,22; 5,23), глава единственная… Через Него одного единственного неделимого Бого-Человека Церковь всегда одна, единственна, неделима» [72]. И еще: «Вся природа

Иисуса во всех своих проявлениях, имеет богочеловеческий характер… Как Православная Церковь хранит свое наивеличайшее сокровище, всесвятую Личность Бого-Человека Христа? Она сохраняет ее через свою веру, одну и единственную, святую, кафолическую и апостольскую. Через единство веры Православная Церковь сохраняет в веках единство и единственность богочеловеческой жизни и истины…» [73].

Поэтому в Православной Церкви нет самого понятия экуменизма в современном смысле этого слова, то есть как духовно-исторического поиска. Она не может вернуться к первичной Церкви, ибо она сама ЕСТЬ эта Церковь; она не может искать Истину, пребывающую в НЕЙ САМОЙ; наконец, ее исповедание не допускает ни прибавления, ни уменьшения, ни изменения, потому что она проста и едина. Или, как говорит св. Дионисий Ареопагит о мучениках: «Первенствующие вожди нашей Богопремудрости каждый день умирают за Истину, всяким словом и делом свидетельствуя, как и подобает, что единственная в своем роде христианская Истина — самое из всех простое и божественное, и более того, — что она есть единственная истина и единое и простое богопознание» [74].

В первые века Церкви епископ играл двойную роль: он возглавлял евхаристию и защищал свою паству от ересей [75].

Без правильного *credo* нет епископата, действительно возглавляющего евхаристию. Ибо одно дело — грех, другое — ересь. Грех есть нарушение заповедей. А ересь есть искажение веры. Это фальсификация критериев истины.

Итак, с 1920 г. Константинопольская патриархия погрузилась именно в ересь. Действительно, она заявила, что вера, что догматические различия, больше не являются поводом к отделению — тогда как, напротив, до этого догматические расхождения были едва ли единственным поводом к законно допускаемому отделению.

Один за другим различные епископы Константинопольской патриархии мало-помалу пересмотрели вопрос авторитета Вселенских Соборов, который сегодня для них далеко не абсолютен. Так, вслед за диалогом с монофизитами, Диоскор, осужденный Халкидонским Собором, а затем и всеми остальными Соборами, признавшими Халкидон, а именно VII Вселенским Собором, перестал считаться монофизитом. Отцы IV Собора не поняли то, что они исповедали, и заблуждались, говоря, что он был еретиком. Таким был результат Шамбезийских соглашений, подписанных в 1991 г.

То же смешение царит в отношениях с католической церковью, которая не знает, что патриарх Афинагор «снял» анафему 1054 г., не имея власти так поступать, поскольку учение, вызвавшее эти взаимные осуждения, а именно двойное исхождение Св. Духа или *Filioque*, никогда не было отвергнуто, и даже не поставлено под вопрос Ватиканом. Последние заявления кардинала Ратцингера в июне 1992 г. показали, что Рим и не думал отказываться от своих претензий править всеми христианами.

Что касается канонов Вселенских Соборов, Поместных или Апостольских Соборов, то они непрестанно критикуются как устарелые, бесполезные и т.д…. иерархией Константинопольской патриархии, которая, впрочем, тогда должна совсем упразднить авторитет канонов, чтобы оправдать свои многочисленные случаи общей молитвы с католиками и протестантами, что совершенно запрещено канонами.

Константинопольская патриархия называет себя «канонической», тогда как на самом деле она нарушает большую часть канонов, не только касающихся общей молитвы с любыми инославными, но еще более тех, которые обязывают епископов быть действительно «обрученными» своим епархиям. Все епископы патриархии носят титулы, не соответствующие их реальным епархиям [76].

Ставя под вопрос важность церковных догматов и канонов, расшатывая их абсолютный характер, Константинопольская патриархия и идущие за ней тем же путем реформизма, коснулись межей, поставленных Отцами, то есть они разрушили критерии, которые необходимы православным одновременно для жизни Церкви и для духовной жизни. Итак, в истории Православной Церкви никогда никто не признавался православным членом Церкви, если он не исповедывал и не исполнял эти критерии. Это видно еще в XIX в., когда Константинопольский Патриархат в согласии с другими кафедрами Востока, опубликовал свои Энциклики 1848 и 1895 гг. Они ясно объявляли: «Посему, братие и возлюбленные чада о Господе, *очистив души наши, по Апостолу, в послушании истины* (1 Петр.1,22), *будем внимать слышанным, да не когда отпадем* (Евр.2,1). Вера, исповедуемая нами, непостыдна! Она преподана в Евангелии устами Господа нашего, засвидетельствована святыми Апостолами и священными седмью Вселенскими Соборами, проповедана во всей вселенной, засвидетельствована самими врагами ея, которые прежде уклонения своего от православия в ереси исповедывали ту же веру — или сами, или отцы, или праотцы их… Наши святые и Божественные отцы и предшественники, непрерывно преемствующие друг другу, начиная от Апостолов и от поставленных Апостолами преемников их даже до настоящего времени, составляя одну неразрывную цепь и соединяясь рука-в руку, образуют священную ограду, *которой дверь — Христос*, где пасется вся паства на плодородных нивах таинственного Эдема» [77].

«*Будем же держаться исповедания*, которое мы приняли чистым от толиких мужей, отвергая всякую новизну, как внушение диавола : принимающий новое учение признает как бы несовершенной преподанную ему православную веру. Но она, будучи уже вполне раскрыта и запечатлена, не допускает ни убавления ни прибавления, ни другаго какого-либо изменения, и дерзающий или сделать или советовать или замышлять сие уже отвергся веры Христовой, уже подвергся добровольно вечной анафеме за хулу на Духа Святого, как будто Он несовершенно глаголал в Писаниях и на Вселенских Соборах» [78]. «Известно, что кафолическая Церковь Божия, хранящая в своих недрах единую, неподдельную и чистую спасительную веру как божественный залог в том виде, как издревле она предана была и богоносными отцами по вдохновению Св. Духа, раскрыта и начертана в первые девять веков, — сама есть едина и одна и та же навсегда, не множественная и не изменяющаяся под влиянием текущаго времени. Ибо евангельския истины никогда не допускают изменения или совершенствования подобно различным философским системам, так как «Иисус Христос вчера и днесь тойже и во веки» (Евр.13,8)» [79].

Без исповедания Православной Веры, очевидно, нет Православия, а также нет и Церкви, и конечно, нет каноничности. Таинства превращаются в магию.

Именно по этой причине монахи-зилоты Св. Горы имеют полное право не поминать и не признавать власть Константинопольской патриархии. Эта церковь сегодня считается критерием Православия, но не учит тому, чему учит православная традиция. Итак, критерием служит вера, а не кафедра. Более того, именно монахи-зилоты с полным

правом находятся у себя на Афоне, потому что они православны, тогда как гонители их не исповедуют полностью православную веру. В традиции Православной Церкви ничто не обязывает афонских монахов поминать Константинопольского патриарха, если сам он не верен и не подчиняется догматам и канонам Церкви. Напротив, вся эта традиция обязывает их прервать общение с патриархом Варфоломеем, продолжающим дело, начатое его предшественниками, начиная с Мелетия Метаксакиса.

В традиции Православной Церкви совершенно ничего не позволяет Константинопольской патриархии применять силу, чтобы принудить монахов или поминать её, или покинуть Св. Гору.

Ведь эти епископы сели на седалище Моисеевом, но не имеют ни дел, ни веры Моисея: «На Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее… глаголют бо и не творят» (Мф.23, 2-3). «Блюдитеся от кваса фарисейска и саддукейска», т.е. их учения (Мф. 16,6 и 12). Эти епископы сидят на престоле Отцов, но разрушают дела Отцов …

После того как около века назад теория ветвей или экуменизм, проникла в периферию традиционных Православных Церквей, а затем, начиная с 1920 г., была официально принята Константинопольской патриархией, очень многие православные церковные писатели выявили ее характер, чуждый самой природе Православной Церкви. В XIX в. это был Хомяков в знаменитом письме о Христианском Единстве, затем Гетте в своих спорах с Деллингером, также русские монахи, критиковавшие диалог со старокатоликами в статьях Revue Internationale de Théologie. В начале века это был Митрополит Антоний (Храповицкий) в своем Ответе синоду Епископальной церкви [80] и архиепископ Иларион (Троицкий) в своем Письме о Единстве Церкви, написанном в ответ протестанту Х. Гардинеру. Это был, также в Русской Церкви, но в эмиграции, Собор 1937 в Карловцах, который беспокоился о догматическом смешении, сразу же приводящем к экуменизму. В Греческой Церкви это было множество сочинений богословов и священников, таких как о. Филофей Зервакос, иконописец Фотий Контоглу, богослов-мірянин Александр Каломирос, о. Феодорит с Афона и другие. В Сербской Церкви о. Иустин Попович, признанный многими современным Отцом Церкви, также посвятил одну книгу экуменизму, который он определил как вид завершения западного нигилизма и как отрицание Церкви [81]. Упомянем еще Скорбныя посланія Митрополита Филарета Нью-Иоркского, его торжественное осуждение экуменизма в 1983 г. Во Франции напомним также труд о. Амвросия (Фонтрие), настоящего исихаста, отвергшего всякий компромисс с учением, разрушающим границы между Церковью и міром, между Евангелием и субъективными философиями [82].

Заключение

Сам принцип экуменизма есть отрицание границ между Церковью и міром, вопреки учению Церкви, содержащемуся в молитве Христа: «Аз не о всем міре молю, но о тех, их же дал еси Мне» (Ин.17,9). Православная Церковь, верная как в этом, так и другом библейской и святоотеческой традиции, не знает предопределения. Все люди призваны войти в Церковь, и для них достаточно захотеть этого, т.е. содействовать с божественной благодатью, призывающей всех их туда. Но повторим, что им нужно еще захотеть этого; и Бог православных не причиняет насилия людям. Он не навязывает им спасение и истину. Войти в Церковь через крещение, то крещение, где мы погружены в смерть ветхого человека и міра, и где мы воскресаем новой тварью вместе со Христом

во Св. Духе, это не участие в некой организации, как это случается в наших обществах. Это причастие новой реальности, богочеловеческой, которая несводима ни к какой «структуре» міра сего. Между Церковью и міром имеется такое же различие, как между Откровением и многочисленными философиями или учениями, встречающимися в различные эпохи истории человечества. То, что открыто Богом, не может быть познано нашим собственным разумом, только если Бог захочет открыть это. Мы может еще представить, что Бог есть, но что Бог — это Святая Троица, что Слово воплотилось, это без Св. Духа, без самой воли Божией мы узнать не можем. Еще менее мы можем представить, что Бог познается опытно, и что творение может соединиться со своим Творцом, когда Он побуждает его причаствовать Своей божественной и нетварной благодати.

Церковь — это место такой полноты, где Бог становится познаваемым и позволяет опытно переживать Себя теми, кто Ему следует, то есть кто любит и исполняет Его заповеди. Она — в истории, но ее цель не исторична. Цель Церкви — приготовить верных своих к видению божественной славы, которую узрят все люди в своем спасении или осуждении в День Суда, когда прейдет образ міра сего.

Именно эту эсхатологическую цель она непрестанно преследует, что обусловливает то, что Церковь не придает очень большой ценности мнениям века сего. Конечно, христиан живет среди этих мнений, которые, может быть, не все равны, но к которым он не должен пристраститься, потому что если он по-настоящему христианин, он всегда будет камнем преткновения для дурных мнений. Именно по этой причине Гитлер и Сталин сообща гнали христиан.

Желая сблизить Церковь и мір, как это уже давно сделало папство и протестантская реформа, патриархи Константинополя, с Мелетия Метаксакиса до Афинагора, и от Афинагора до Варфоломея, свели Церковь до уровня общества, такого же как и другие. Общество, которое высказывает свое мнение по всем «проблемам» современного міра, проповедует универсальную мораль, начиная с общих и абстрактных принципов, которые были бы нечто вроде вытяжки из христианства.

Именно это произошло в синоде в марте 1992 г. Окончательный текст упоминает разобранные вопросы. «Быстрый прогресс технологий и наук, доставляющий способы улучшения качества жизни и облегчения страдания, горя и болезни, не всегда сопровождается, увы! духовными основаниями и аналогичной этикой…Сочетание этого прогресса со справедливостью, любовью и міром есть единственный путь, верный и безопасный, чтобы в течение этого тысячелетия этот прогресс не превратился из благословения в проклятие». Дальнейшее в том же тоне: «прогресс генетики, угрозы состоянию окружающей среды, марш Европы к единству… Все это находится в недавней декларации патриарха Варфоломея, напечатанной в *La Croix*[83]. Мір должен идти к объединению и т. д. … Иначе говоря, мір должен идти к единой религии, задуманной как завершение гуманизма. Все это очень красиво и мы ничего не имеем против общих принципов, защищающихлюдей от войн и насилий.

Но для этих епископов, занявших такую позицию по этим вне-церковным вопросам, весьма затруднительно то, что для того, чтобы прийти к такому міру, не нужны ни Христос — истинный Бог и истинный человек, ни Церковь — Его Тело, ни Откровение в конце концов. Это доказывается тем, что к этому пришли только одни философии и что большинство этих учений сегодня не христианские, хотя они были бы очень

популярны в таком объединенном міре, без войн и даже «человеколюбивом». Любой честный гражданин мог бы сказать и написать с лучшими мірскими чувствами то, что Константинопольская патриархия объявляет в своем сообщении за май месяц, после многодневного синода. Любой честный человек также поймет, что если это объединение совершается через частое или постоянное использование силы и насилия, если оно начинается с изгнания manu militari некоторых безобидных монахов с Афонской Горы, чтобы всем были ясны методы этого объединения, то оно не согласие, а тирания.

Но голос Церкви, учение Церкви, Откровения, Ветхого и Нового Завета, Святых Отцов и Вселенских Соборов — оно одно. Никакая философия, никакой просто искренний и честный гражданин не может его изобрести, потому что оно открыто чистому сердцу или очищающему себя. Именно по этой причине Отцы учили об исключительности Откровения и Церкви, царство которой не от міра сего.

Отцы-святогорцы, которых теперь изгоняют, исповедуют исключительность, уникальность Откровения и Церкви. Именно из-за этого патриархия, верящая в синкретизм между религиями, их гонит. Эти монахи не скорбят, что их гонят и изгоняют, потому что они исповедуют, что каковы бы ни были личные ошибки тех и других, или добродетель тех и других, то, что отличает их от міра и делает достойными получить всемогущую благодать Христа, это исповедание и чистота веры, безупречная верность учению Писания, Соборов и Отцов. Без такого исповедания чего стоят подвиги, непрестанная молитва, долгие богослужения, посты, слезы и покаяние, заповеданное нам Евангелием? Это смысл их жизни: сознание ими того, что Константинопольская патриархия хочет принуждать силой, заставляя их поминать ее.

Точно такая же ситуация в России с теми, кто не желает поминать Московскую патриархию, скомпрометированную декларацией патриарха Сергия 1927 г., сделавшего радости и печали безбожной власти ее собственными радостями и печалями, а затем активным участием ее главных управляющих епископов в политической полиции в качестве членов и агентов КГБ. Отвергшие это совершенно вправе, по канонам, не поминать эту иерархию, насмеявшуюся над большей частью канонов и правил православной веры. К тому же именно на тех же самых канонах Апостолов и Отцов основывались святые Новомученики и Епископы Катакомбной Церкви, начиная с 1927 г. для разрыва всякого общения с сергианством [84].

В заключение мы хотели бы процитировать несколько строк из Новомученика Илариона Троицкого, еще перед Октябрьской революцией ответившего на эти вопросы и отвергшего возможность отделения Церкви от христианства [85]: «Христос не писал курса догматики. Главнейшие догматы христианства точно сформулированы были через столетия после земной жизни Спасителя. Чем же тогда-то, в самое первое время исторического бытия христианства, определялась принадлежность к Церкви? Об этом сказано в книге Деяний Апостольских: «Спасаемые прилагались к Церкви» (Деян. 2,47). Принадлежность к Церкви обуславливается единением с Церковью. Иначе и быть не может уже потому, что Церковь не есть философская школа. Она — новое человечество, новый благодатный организм любви. Она — Тело Христово… Так и рассуждали в Древней Церкви: «Не могут быть с Богом не восхотевшие быть единодушными в Церкви Божией»; «да он и христианином называет себя также ложно, как и дьявол часто называет себя Христом», — говорит святитель Киприан».

Скоро станет все более и более ясно, что выбор между принадлежностью к Православной Церкви Христовой и принадлежностью к юрисдикции Константинопольской патриархии, прекратившей учить тому, что Пророки видели, Апостолы проповедовали, Отцы догматизировали, то есть Христу и правой вере в Него, этот решающий выбор будет все более и более казаться очевидным многим православным. Пусть Бог даст им силу Отцов, которые исповедали веру, не считаясь ни с местом, ни с историческими условиями для того, чтобы соединиться со Христом.

Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

QUO VADIS, КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ПАТРИАРХИЯ?

Когда в VI-м веке святейший Патриарх Константинопольский Иоанн Постник принял титул вселенского, то встретил энергичный протест в лице свят. Григория Двоеслова. Он писал византийскому императору между прочим: «o tempora! o mores! Вся Европа находится во власти варваров. Города пали, замки находятся в руинах, провинции обезлюдели, нет рук, чтобы обрабатывать землю; идолопоклонники преследуют верных даже до смерти. А священники, которые должны были бы лежать ниц во дворах церковных в прахе и пепле, ищут суетные титулы» [86]. Сам папа Григорий Двоеслов стал употреблять в своих официальных документах титул — слуга слуг Божиих. В церковной жизни каждое нарушение православного духа, православной перспективы должно рано или поздно дать свой печальный плод, если заблаговременно не будет исправлено.

В последнее время не раз можно было встретить в печати высказывания, представляющие Константинопольского патриарха как духовного вождя всего православия. Вот что читаем, например, в журнале The Catholic World Report, December 1991: » Варфоломей, в міру Димитрий Архондони, стал новым вселенским патриархом 135 млн. православных христиан… В то время как правители (имеются в виду турецкие власти — м. Г.) могут не признавать лидерство патриарха во всем міре, остальное население признает это… подавляющее большинство верующих находится в бывшем СССР и юго-восточной Европе».

Является ли это только непониманием православной экклезиологии со стороны инославных? Если оправдывать подобные высказывания неправославных незнанием, то как смотреть на заявление покойного патриарха Димитрия в разговоре с репортерами (Foni ton Pateron, 4, No. 1, April-June 1991), когда он сказал, что имеет престол «первенства», как духовная глава православного міра (that he holds a see of «primacy» as spiritual head of the Opthodox World)?

По учению Церкви, Константинопольская Патриархия имеет первенство чести, которое к ней перешло после отпадения Рима от вселенской Церкви. Третье правило II Вселенского собора гласит: «Епископ царьградский должен иметь первенство чести по епископе римском, т.к. Царьград является новым Римом». Эти «первенства чести» не имели никакого догматического обоснования, но основывались на политической важности какого-либо города. В православной Церкви все епископы, включая вселенского патриарха, равны. Тревожны не только эти нео-папистские амбиции, но и

многое другое, что произошло из Константинопольской Патриархии в этом бедственном XX-ом столетии.

Остановимся на периоде истории, начиная с 1922 года, когда на патриарший престол вступил патриарх Мелетий IV (Метаксакис), известный модернист и масон. В 1923 году он созвал так называемый «Всеправославный конгресс», который постановил ввести новый стиль и обсуждал возможность второбрачия для духовенства. Вот что писал об этом Митрополит Антоний (Храповицкий):

«и только со времени печального Всеправославного конгресса у бывшего патриарха Мелетия (давшего такое самозванное наименование собранию 4-6 архиереев и нескольких священников и мiрян, без участия на нем трех Восточных Патриархов) — со времени помянутого неправославного конгресса начался тот противо-церковный вандализм, который проектировал многое, воспрещенное Церковью со страшными проклятиями, как например, женатых архиереев, второбрачие клириков, упразднение постов. Правда, оный неправославный конгресс не осмелился официально обнародовать всех нечестивых нарушений церковных законов, а ограничился предложением ввести новый стиль и все неподвижные праздники перенести на 13 дней раньше, оставив нетронутой пасхалию. Но и подобная неразумная и бесцельная уступка масонству и папизму, давно добивавшемуся такого изменения календарей в целях окончательного поглощения унии латинством (ибо главное бытовое отличие униатов от латинян, — старый стиль у первых), нарушает собою апостольское установление Петрова поста, ибо с введением нового стиля праздник св. Петра и Павла будет у них раньше недели Всех Святых, если Св. Пасха падет на 21 апреля старого стиля или позже, и тогда пост окажется вовсе отмененным».

9 июня 1923 года Мелетий IV незаконно принял в свою юрисдикцию Финскую епархию, 28 августа — Эстонскую епархию, которые ранее входили в состав Русской Церкви. Он также вмешался в дела Сербской Патриархии на территории Чехословакии.

Сущность этого вмешательства заключалась в следующем (цитируется по книге «Православное движение в Подкарпатской Руси, З.Г. Ашкинази).

«По старому венгерскому закону 10 августа 1868 года, подтвержденному 2-мъ параграфом первого закона Чехословацкой республики отъ 28 октября 1918 года, на всех православных, живущих в пределах бывшего Венгерского королевства, распространяется юрисдикция Сербской Православной Церкви. Это было подтверждено отношением Совета министров Чехословацкой республики отъ 11 августа 1920 года № 23608, в ответ на меморандум, поданный православной депутацией Подкарпатской Руси. В этом письме Совет министров выражает согласие на то, чтобы будущий православный епископ для Подкарпатской Руси был избран из среды сербского духовенства, что и произошло на собрании 63 православных общин, 19 августа 1921 года, провозгласившем владыку Досифея Нишского епископом карпаторусским. Юрисдикцию Сербской Церкви признали также православные Чехии, Моравии и Силезии, насчитывающие до 18 православных общин. Чешский православный епископ Горазд (Павлик) был рукоположен сербским патриархом Димитриемъ въ сентябре 1921 года. Сербскую юрисдикцию признала также небольшая пражская православная община письмом от 29 марта 1921, и епископ Досифей, приехавший в Прагу в качестве делегата сербского патриарха, принял ее под свою

каноническую защиту; представители общины письмом от 3 сентября 1921 года известили епископа Досифея об избрании его своим епископом».

«Между тем, пражская община избрала архимандрита Савватия своим настоятелем и просила Сербскую Церковь, чтобы его рукоположили во епископа для города Праги».

«На ходатайство пражского прихода, целью которого было, минуя епископа Горазда, захватить руководство православным делом в свои руки и подчинить пражской общине, сербский Синод ответил, что не считает возможным поставить особого владыку для одного небольшого прихода. Тогда архимандрит Савватий и доктор Червинка, без ведома и согласия общины, отправились в конце 1922 года в Константинополь к патриарху Мелетию IV, ставленнику англичан и французов, избрание которого оспаривалось восточными патриархами, как неканоническое».

«Об отношении к нему греческого православного населения свидетельствует факт избиения патриарха, во время заседания собора, толпою греков, которые требовали сложения сана, что, после ухода из Константинополя французских и английских войск, он и вынужден был сделать («Дни» № 18410/6/1923)».

«Патриарх Мелетий был известен как сторонник русской «живой церкви», выступавшей против св. Патриарха Тихона; был инициатор введения в Константинопольской, Румынской и Польской Церквах латинского календаря. Он уже создал одну автокефалию—польскую, которая отдала живущих в Польше православных в руки ставленников польского шовинизма (см. процесс об убийстве польского митрополита Георгия архимандритом Смарагдом)».

Несомненно, с ведома чехословацкого правительства, патриарх Мелетий вмешался и в дела чехословацкой Церкви и, с нарушением правил 15-го и 16-го I-го Вселенского Собора и правила 2-го II-го Собора, запрещающихъ переходъ из одной юрисдикции в другую и вмешательство в дела чужих епархий, не извещая и не испрашивая согласия ни Сербской, ни Русской Церквей. В феврале 1923 года он хиротонисал архимандрита Савватия во архиепископа новой, подведомственной Константинопольской Патриархии чехословацкой области, с включением Подкарпатской Руси; доктор Червинка был рукоположен во священника. Сербская Церковь протестовала против этого вмешательства в дела подведомственной ей чехословацкой епархии на Архиерейском Соборе в Карловцах в сентябре 1923 года, признав действия Мелетия неканоничными. Впоследствии и константинопольский Синод признал их неправильными и предложил епископу Савватию обращаться по всем делам к сербскому Синоду.

«Таким образом, в Чехословацкой Православной Церкви оказалось три епископа. из них епископ карпаторусский Досифей и епископ моравский Горазд признали сербскую юрисдикцию, епископ же пражский Савватий считал себя подчиненным не сербскому, но константинопольскому патриарху и, претендуя на руководство всей Чехословацкой Церковью, требовал послушания и от карпаторусской Церкви».

«Легко представить, каким это было соблазном. Епископ Савватий настаивал на своих правах на архиепископскую власть в Подкарпатской Руси и усердно вербовал сторонников среди карпаторусского православного духовенства, рукополагая без всякого разбора; приверженцы его обращались к властям с просьбою принять административные меры против священников, несогласных на подчинение

архиепископу; Епископ Досифей налагает на строптивого монаха кару — епископ Савватий возводит его во игумена.

Епископ Досифей собирает духовенство в Хусте и организует Духовную Консисторию — епископ Савватий переманивает священников в Буштину и устраивает Епископский совет. В церковных делах водворяется хаос, между духовенством сеется вражда и взаимная ненависть, — «савватиевцы» и «Досифеевцы».

Прекрасный духовный порыв, создавший столько мучеников за православие, сводится на постыдную борьбу за власть, за лучший приход, за лишний грош; униатская печать ликует — а в православном населении растет горечь против духовенства, не сумевшего поддержать православное движение на той высоте, на какую вознесло его воодушевление крестьян».

Когда патриарх Мелетий вступил на Александрийский патриарший престол после смерти в 1925 году Патриарха Фотия (перед этим он также был изгнан изъ Афинъ), он сразу ввел и в Александрийской Церкви новый стиль.

Его преемник, патриарх Константинопольский Григорий VII (1923-1924) признал постановление живоцерковного собора о низложении св. Патриарха Тихона. Он требовал от пребывавших в то время в Константинополе русских архиепископов Анастасия и Александра прекратить выступления против советской власти, не поминать Патриарха Тихона и давал им совет признать большевиков. Не встретив с их стороны сочувствия, назначил следствие и запретилъ ихъ въ священнослужении. Онъ обращался к Сербскому Патриарху Димитрию с просьбой закрыть Русский Архиерейский Синод в Сремских Карловцах, на что получил отказ. Он также дал автокефалию Польской Церкви.

Митрополит Антоний (Храповицкий) писал об этом следующее:

«Так мы знаем, что основание новой митрополии или выделение епархий в автономную митрополию дозволяется не иначе, как по согласию прежнего митрополита и его синода, а патриархи Мелетий и Григорий VII выделили Польские и Финляндские епархии без согласия на то святейшего Патриарха Всероссийского в автономный диоцез и захватили их под власть патриарха Царьградского, ссылаясь в оправдание на несвободное в бывшем русском государстве положение Патриарха Тихона, на самом же деле — по угодливости своей иноверным правительствам польскому и финляндскому, из которых первое еще с X1V-го века старалось отторгнуть от русской церковной власти малорусские и белорусские области и давно бы это сделало, если бы древние вселенские Патриархи во имя церковной пользы не отстаивали единства Русской Церкви, которое явилось и является главным препятствием для постепенного окатоличения русских общин в Польше и для постепенного олютеранения русских общин в Финляндии, каковые стремления обоих правительств возбуждали крайнее негодование православнаго населения, совершенно безпомощного при этом республиканском деспотизме, более тяжком, чем всякий другой деспотизм…».

«Но еще более беззаконно и жестоко было отношение покойного патриарха Григория VII и его синода к епархии и к Архиепископу Финляндскому. именно вселенский патриарх посвятил ему викария священника Аава (без всякого пострижения в монашество и даже в рясофор) и не только без его, архиепископа, согласия, но даже

вопреки его протесту; этим покойный патриарх попрал основной канон Церкви — 6-ое правило I Вселенского Собора (и многие другие), которое говорит: «аще кто без соизволения своего митрополита поставлен будет епископом, о таком великий собор определил, что он не должен быть епископом». Патриарх даже в своем диоцезе не может ставить епископа без согласия местного митрополита, о чем ясно говорит 28 правило IV Собора, именно то самое правило, на котором, совершенно напрасно, стараются обосновать свои незаконные притязания предшественники вашего святейшества. — А сей незаконный «епископ» Аав, получив архиерейский сан, самозванно возложил на себя монашеский клобук и в такомъ маскараде явился в чужую Финляндскую епархию, а законного архипастыря ее, Архиепископа Серафима, уважаемого всем народом, подверг преследованиям лютеранского правительства, которое, впрочем еще раньше предложило покойному Патриарху Григорию на утверждение беззаконнейший закон о том, что светское правительство Финляндии получаетъ право увольнять заштат архиепископа; так оно и поступило, под фальшивым предлогом, будто Архиепископ Серафим не успел в установленное время достаточно изучить финский язык. Земля и небо ужаснулись столько же подобному беззаконию деспотического иноверного правительства, сколько (и еще более) беззаконию православного Патриарха, давшаго согласие на введение такого безчинства. — и вот, сей сомнительный епископ Герман в мірском одеянии, подбритый и подстриженный, расхаживает по улицам города на соблазн православных и для злорадства иноверцев, а достойнейший архиепископ, грубо оскорбленный своим же лже-собратом, влачит печальные дни в ссылке, в тесном помещении монастыря на пустынном острове бурного Ладожского озера. Такое же действие допустил покойный Патриарх над Церковью Эстонскою, изъяв ее из подчинения Всероссийскому Патриарху и любодейственно подчинив своей власти вопреки священным канонам, которых мы снова повторять не будем и нарушение коих было осуждено в письме Патриарха Тихона к Митрополиту Дионисию, где он признает подчинение Польской Православной Церкви чужому престолу и отторжение ее от Всероссийского Патриархата прямо незаконным».

«..покойный Патриарх Григорий VII, поддавшись воздействию лютеранского правительства Финляндии, согласился и даже Св. Пасху, не взирая на проклятия, наложенные Св. Соборами (Первым и Антиохийским, прав. 1 и Св. Апостол прав. 7), «в виде исключения праздновать с еретиками и даже с иудеями, тогда как старание Св. Церкви при установлении сего праздника к тому только и клонилось, «да не со иудеи празднуем». А правительство Финляндское теперь подвергает нравственному и физическому гонению тех верных православию монахов и мірян, которые желают более повиноваться Богу, чем людям (Деян. 5, 29)» (Скорбное послание, Церк. ведомости №11-12,1925 г.).

Трагическую память по себе оставил вселенский патриарх Афинагор. В 1966 году он вместе со своим синодом «снял» отлучения на папистов, провозглашенные Патриархом Михаилом Керулларием в 1054 году, и которые были затем подтверждены и приняты всем православным Востоком. Также он объявил, что вносит имя римского папы в диптихи Константинопольской Церкви. Многочисленны его неправославные высказывания, например, в своем рождественском послании он с похвалой говорит о движении среди людей к единой чаше «не зная разницы в своих догматах и не заботясь о ней». Константинопольская Патриархия единолично не имела, конечно, права «снимать» эти анафемы, тем более, что причины сих анафем усугубились. Внесение

имени папы в диптихи возможно было бы только в том случае, если бы он стал православным.

После патриарха Афинагора на вселенский престол вступил патриарх Димитрий, который при своем настоловании объявил, что «мы будем следовать святому и великому курсу нашего великого предшественника, приснопамятного патриарха Афинагора» (см. «Епискепсис» № 90, стр. 14). Папу римскаго он назвал «почтенным братом» и «первым во всей Церкви Христовой» (см. «Епискепсис», 15 декабря 1977 года, стр. 3-4 и №№ 139, 159, 161, 214). Большое волнение вызвало заявление патриарха Димитрия (см. газету «Македония» №7/8,1987 года), что можно по неограниченной икономии и безусловно, в случае смертельной опасности, принимать причастие от римо-католических священников.

Священный кинот св. Горы Афонской в своем послании от 15 декабря 1987 года высказал свое беспокойство по этому поводу. Патриарх ответил письмом, в котором осуждал святогорцев за то, что они вмешиваются в дела вселенского престола, будучи искушаемы «темными силами». Кинот 20 апреля 1988 года ответил на письмо патриарха новым посланием, и впоследствии святогорская комиссия, составленная из игуменов трех монастырей, лично передали в патриархию это послание и выразила недоумения святогорских монахов. Патриарх Димитрий уверял комиссию игуменов, что патриархия действует въ рамках православной веры. Но затем в «Ортодоксос Типос» от 1 июля 1988 года появилось новое интервью с патриархом Димитрием, в котором были снова высказаны неправославные мнения: например, новые подтверждения возможности межконфессионного принятия причастия в предсмертных случаях. В послании комиссии кинота Св. Горы (7/20 июля 1988 года) пишется следующее: «Не может больше священный кинот говорить святогорцам и другим верующим о строгости вашего исповедания и твердости вашей веры из-за того, что вы лично открыто исповедуете противное. Не может св. Гора выражать почтение и преданность свою вселенскому престолу, поскольку она твердо придерживается заветов веры и благочестия».

Совершенно очевидно, что у патриархии есть определенная линия, от которой она не намерена отступать, несмотря ни на что.

Беспокойство афонских отцов понятно, т.к. по церковным канонам запрещается даже совместное моление с еретиками, не говоря уже о межконфессионном причащении. По православному самосознанию католики являются еретиками, и их таинства лишены присутствия Божественной благодати. Св. Марк Ефесский утверждал, «что латиняне не только раскольники, но и еретики»; и св. Григорий Палама: «латиняне отошли от границ нашей Церкви» (Троичные главы, 3, 1, 3).

Остановимся теперь на идее созыва «великого собора православной Церкви» и посмотрим, что на эту тему написал праведник нашего времени о. архимандрит Иустин (Попович), который был духовником монастыря Челие в Югославии (цитируем из его письма от 7-го мая 1977 года на имя Архиерейскаго Синода Сербской Православной Церкви). О. Иустин указывает на несвоевременность такого собора, на искусственность подбора тем, которые указывают на папистские притязания вселенского патриарха.

«Вопрос подготовки и созыва нового «вселенского собора» православной Церкви не нов… Этот вопрос был уже поставлен при жизни несчастного патриарха

Константинопольского Мелетия (Метаксакиса), создателя раскола в православии после его так называемого «Всеправославного конгресса» в Константинополе в 1923 году)».

«В истории и жизни православной Церкви никогда ни один собор, а тем более, столь исключительно благодатное и духоносное начинание, каким является вселенский собор, не вызывались искусственно, придумывая темы для его работы и заседаний; что никогда так нарочито не созывались конференции, конгрессы, и разные искусственные собрания, неизвестные и чуждые православной соборной традиции, перенятые на самом деле от западных организаций, чуждых Церкви Христовой.

Историческая реальность очевидна: святые и Богом созванные соборы св. отцов всегда имели перед собой один или, самое большее, два-три вопроса, остро поставленных им великими ересями и расколами, извращающими православную веру, раздиравшими Церковь и серьезно грозившими опасностью для спасения человеческих душ, спасения православного народа Божьего и всего творения Божьего. Поэтому вселенские соборы всегда имели христологический, сотериологический, экклезиологический характер, т.е. их центральной темой, единственной темой и главным благовестием всегда был Богочеловек Иисус Христос и наше спасение в Нем, наше обожение в Нем».

Далее он говорит о московской и константинопольских делегациях, рассуждавших на «1-ой предсоборной конференции» в 1967 г. о новом «вселенском соборе»:

«…кого они действительно «представляют» в данный момент, какую Церковь и какой народ Божий? Константинопольская иерархия почти на всех всеправославных собраниях состоит, главным образом, из титулярных митрополитов и епископов: из пастырей без паствы и без конкретной пастырской ответственности перед Богом и своей живой паствой. Кого она представляет и будет представлять на будущем соборе?»

«В последнее время Константинопольская Патриархия произвела множество епископов и митрополитов, главным образом, титулярных и фиктивных. Это, вероятно, подготовка к тому, чтобы на будущем «вселенском соборе» множеством титулов обеспечить большинство голосов для нео-папистских амбиций Константинопольской Патриархии».

«…все это указывает на тайное желание известных лиц Константинопольской Патриархии: чтобы первая по чести патриархия в православии могла навязать свои концепции и свое поведение всем православным автокефальным Церквам, и вообще православному міру и православной диаспоре и санкционировать такое нео-папистское намерение единым «вселенским собором». Поэтому первые четыре темы из 10, выбранных для собора, раскрывают именно стремление Константинополя подчинить себе всю православную диаспору — а значит, и весь свет! — и оставить за собой исключительно право давать автокефалию и автономию вообще всем православным Церквам на свете, как нынешним, так и будущим, и одновременно порядок и ранг по своему усмотрению (в этом как раз и состоит вопрос диптихов, это не только «порядок поминания на литургиях», но порядок Церквей на соборах и т.д.).

Я преклоняюсь перед вековыми заслугами этой патриархии, т.е. великой Христовой Константинопольской Церкви, и перед нынешним ее крестом, который не мал и не легок, и который по природе вещей есть крест всей Церкви, по словам апостола: «Когда

страдает один член, страдает все тело». Точно также я признаю канонический порядок и первое место по чести Константинополя между равночестными и равноправными поместными православными Церквами. Но было бы не по-евангельски, если бы Константинополю позволили из-за трудностей, в которых он находится сегодня, чтобы он привел все православие к краю пропасти, как это уже раз случилось на Флорентийском псевдо-соборе, или чтобы он узаконил канонически и догматически определенные исторические формы, которые в какой-то момент, вместо того, чтобы быть для Церкви крыльями, могут превратиться в оковы для нее и для ее преображающего присутствия в міре. Нужно быть искренним: поведение представителей Константинопольской Патриархии в течение последних десятилетий выявляет та кое же нездоровое беспокойство и болезненное духовное настроение, какое в XV веке привело Церковь к флорентийской измене и позору. (и было ли поведение во времена турецкого рабства примером для всех времен? Как флорентийское, так и турецкое рабство было опасно для православия). Сегодня положение еще более опасно: в те времена Константинополь был живым организмом с миллионами верных, которые быстро преодолели кризис, навязанный извне, и искушение пожертвовать верой и Царством Божиим для земного царства. А сегодня у него имеются митрополиты без народа, епископы, которым некем руководить (т.е. нет епископии) и которые, как таковые, хотели бы держать в своих руках судьбы всей Церкви! Но сегодня не должно и не может быть никакой Флоренции».

«Вековая борьба православия против римского абсолютизма была борьбой за свободу поместных Церквей как Церквей кафолических, соборных, полных, целых. Пойдем ли мы сегодня путем падшего Рима, или какого-нибудь «второго» или «третьего», ему подобного? Неужели Константинополь, так смело сопротивлявшийся в течение прошлых веков в лице своих святых и великих иерархов, клира и народа римскому папскому покровительству и абсолютизму, собирается сегодня игнорировать соборные традиции православия и заменить их нео-папистским суррогатом «второго», «третьего» или еще какого-нибудь Рима?» (Пр. Русь №22, 1977 г.).

В последнее время патриархия также деятельно участвовала в диалоге с монофизитами, который, к сожалению, не привел к искреннему раскаянию означенных инославных и их соединению с православной Церковью, а привел к отступничеству от православия: «обе общины соглашаются, что снятие анафем и осуждении было осуществлено на основании того, что соборы и отцы, прежде анафематствованные и осужденные, не еретичны» (10-й пункт протокола совещания в Швейцарии, в подворье Константинопольской Патриархии в 1990 г.). Можем мы принять такое определение, отменяющее прежние определения вселенских соборов?!

Учитывая все вышесказанное, трудно не придти к заключению, что патриархия проводит в жизнь явно неправославную линию.

В начале прошлого года, недавно скончавшийся вселенский патриарх Димитрий, в ответном письме московскому патриарху Алексию II отозвался о Русской Православной Церкви Заграницей словами: Русская Зарубежная, такъ называемая «церковь», и объявил, что он признает только одну каноническую православную Церковь в пределах России, а именно возглавляемую патриархом Алексием II. Чего ожидать далее нашей Церкви: продолжения обвинений в расколе или какого-то официального осуждения?

Новый патриарх Варфоломей I, на торжествах посвященных его настолованию, уже объявил о своем намерении следовать экуменическому направлению его предшественников.

Блаженнейший Митрополит Антоний (Храповицкий) в своем письме иеромонаху Поликарпу на Валаам (см. Письма Блаженнейшего Митрополита Антония стр. 165) пишет: «Ведь первенство в Церкви до IX века, даже до XI принадлежало римским папам, и что же? Они отлучены от Церкви со всею их паствою и влачат погибельные дни свои как еретики. Возможно, что той же участи подвержется и Константинополь, если пойдет по следам Мелетия и Григория VII».

Да не будет сего с Константинопольской Патриархией, которая возрастила в своих недрах святых просветителей славян Кирилла и Мефодия и множество других святых; которая была Матерью-Церковью для Русской Церкви в течение ряда столетий. Да задумаемся все мы над словами Пастыреначальника и великого Архиерея Господа нашего Иисуса Христа, говорящего в св. Евангелии: «Больиий из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тотунижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23, 11-12).

Мір дружно соединяется для нового «столпотворения», для создания «нового мирового порядка», для устроения «рая» здесь, на земле; и для всех, которым их любовь к единой спасительной православной вере не позволяет влиться в это «единение», уготованы тяжелые испытания. «испытание для святых Божиих настанет страшное… малое число их будет казаться ничтожным пред всем человечеством, общее презрение, ненависть, клевета, притеснения, насильственная смерть соделаются их жребием» (Епископ Игнатий Брянчанинов).

«Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; и какъ вы не отъ міра, но я иэбралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ» (Иоан. 15, 19).

Верным чадам Христовой Церкви нужно уже теперь готовиться к психологически трудной изоляции.

Монах Горазд

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПОСЛАНИЕ ЗИЛОТОВ АФОНСКОЙ ГОРЫ

Открытое письмо Его Превосходительству Премьер-министру Греции Господину Константину Мицотакису, всем партиям Греции, клиру и православному греческому народу

Ваше Превосходительство,

6/19 мая 1992 на Св. Горе был совершен акт, относящийся к религиозным насилиям еретического Средневековья. Два епископа Вселенской Патриархии, при содействии Свящ. Кинота и помощи полицейских сил, совершили следующее злоупотребление:

Вначале, наглым нарушением Конституционной Хартии Св. Горы, гарантирующей святым монастырям автономию управления, они вынудили Администрацию св. монастыря Пантократора — под угрозой смещения и изгнания — принять 12 монахов из св. монастыря Ксенофон Св. Горы. Они ввели большую часть этих молодых монахов Ксенофона в Администрацию св. монастыря Пантократор, отдав им, т.о., большинство голосов в администрации. Они также провели основательную чистку законной и канонической Администрации, бывшей до этого в Пантократоре.

Они потребовали от отцов Пантократора подписанный текст, доказывающий, что их вторжение было справедливым и допустимым! Затем они изгнали из монастыря двух иеромонахов и четырех монахов…без малейшего повода!…

Сделав это, они отправились в русский скит Ильи-Пророка и manu militari полицейской команды Афона … выбросили в автомашину из восьми отцов Скита четырех подвизавшихся там монахов и отправили их за пределы Св. Горы! И самое скандальное то, что их изгнали силой без всякого документа об изгнании, не дав им подписать никакого принятого против них решения! и не позволив им даже взять свои личные вещи! В то же время на их место они немедленно водворили в скит других монахов, как распорядители мест. Что касается других четырех отцов, живших в скиту и отсутствовавших в момент беспримерного вторжения, им не позволили войти в Скит!…

Изгнание монахов св. скита Ильи-Пророка осталось незамеченным самой высшей управленческой инстанцией Св. Горы Свящ. Кинотом, хотя последний участвовал в общей и священной Комиссии, которая получила приказ только на вмешательство во внутренние дела монастыря Пантократор, а не на изгнание монахов скита Ильи-Пророка. Конечно, впоследствии Кинот признал факт и утвердил изгнание монахов и незаконное водворение других монахов, пришедших из скита Ксенофон!

И за что это гонение? За то, что изгнанные монахи скита не поминали в своей церкви имя Вселенского Патриарха. В таком случае почему они не составили суд, чтобы их судить, как это предполагает Конституционная Хартия Св. Горы? Несомненно потому, что их гонители не хотели услышать на пленарной Ассамблее Свящ. Кинота истинные обвинения, выдвигаемые ими против Фанара, который с 1965 принимает папизм как «соответственный и равночестный Православию», как обладающий тем же апостольским преемством и теми же таинствами! Как писал недавно Episcepsis, все это «не может быть рассматриваемо как исключительная принадлежность одной из наших Церквей» [87].

Однако, невозможно, чтобы это было принято православным святогорским сознанием, идущим вслед за Отцами Св. Горы, замученными папистами при Иоанне Векке. Вера в Предание Православия пробуждает память об этих древних днях, когда вселенский престол был украшен мудрыми и добродетельными людьми, такими как блаженной памяти Патриарх Иосиф Исповедник в XIII в., который, говоря о ереси папизма, давал такой совет главам Церквей и верному народу: «Вот что я говорю вам вместе с Павлом: Если вы подчиняетесь латинянам, Христос вас ничтоже пользует!» и двумя веками позже, видя Рим упорствующим в своей нераскаянности, знаменитый Геннадий Схолларий говорил своим согражданам в Константинополе: «Приемлющий его (папу), как право правящего слово Истины, одновременно признает, что его собственные предки были еретиками!». И возлюбленный народом пастырь, учитель Нации, св.

Косма Этолийский: «Проклинайте папу, ибо от него приидет всякое зло». В 1839 Окружное послание Восточных Патриархов провозгласило: «Мы изложили это…..».

Даже до сих пор папизм борется против Греции и Православия: молитвы и послание, произнесенные на македонском псевдо-языке, признание в последние годы так называемой псевдо-македонской Церкви и поддержка анти-эллинских позиций населения Скопье, доказывают обильно то, что мы утверждаем!

Как если бы недостаточным было 800 тысяч православных сербов, мирных и невинных жертв, уничтоженных в ужасных и страшных условиях в руках папистов-хорватов по приказу кровожадного папы, тот что сегодня факта униатства и религиозных войн папизм открыто борется с православными Патриархатами Востока.

Люди Патриархии и их сторонники на Афоне угрожают изгнать таким же образом 160 других святогорских отцов-зилотов, отказавшихся поминать имя Вселенского Патриарха в церкви из-за православной веры, принятой ими от их Отцов и диаметрально противоположной пан-ереси экуменизма!

В ней одной эта угроза, из-за которой они считают необходимым использовать насилие, показывает, что эти люди — виновны и чужды монашескому идеалу.

В наши дни расточаются тысячи похвал свободе совести: почему её нет на Св. Горе? Вы сами, Ваше превосходительство, вы допустили её теперь в армии, освобождая анти-патриотов милленаристов от военной службы. Будем ли мы одни лишены этого благодеяния?

Покровительница Св. Горы, Владычица наша Богоматерь желает видеть там монахами только православных. Напротив, сегодня мы видим, что православные монахи изгнаны оттуда пособниками «врагов Сына Ея», по признанию самой Божией Матери.

Экзархат Патриархии [88] своими только что изложенными нами действиями, очевидно показал, что цели Фанара и его святогорских сторонников, это: «безжалостная борьба с противящимися униатству Отцами, с целью заключить унию со всеми ересями и со всеми религиями». Ныне, однако, благодаря заявлениям в прессе и др., сделанным изгнанными монахами, Греция и заграница информированы о том, что произошло на Св. Горе. И как правильно заметил кто-то: «Религиозные гонения завершились в России и вот, начались в Греции!».

Ваше превосходительство,

Нужно, чтобы вы знали, что после семидесяти лет на Афонской Горе тайно и в молчании разворачивается религиозное гонение против монахов, оставшихся верными традициям Православия! Их гонители — люди патриархии и Свящ. Кинота, последовательно становящиеся во главе Афона. Эти люди, действуя совместно: а) не позволяют ни одному из монахов анти-униатов, какого возраста бы он ни был, принимать в помощь себе учеников; б) больше не позволяют ни одному из этих монахов покупать келлии, чтобы монашествовать там.

Целью их является постепенное ограничение Святогорцев-зилотов, чтобы создать у верующих впечатление, будто никто на Св. Горе не против заключения унии, предающей Веру.

Так как, возможно, все это не известно вам, мы доводим до вашего сведения, господин Премьер-министр, что с 1990 выпущена в свет книга, написанная по-английски ученым монахом Максимом из Великой Лавры и посвященная нарушениям Прав Человека на Св. Горе. Ееназвание: Human Rights on Mount Athos. An Apple to the civilized world. Этот труд был послан ответственным лицам в Греции и заграницей и он приводит, среди других сюжетов, сюжеты гонений, которые претерпели монахи-зилоты (с. 13-14). Теперь, так как последнее из этих гонений Вам уже известно, что должно сказать друзьям из Европейского Парламента и какую выгоду из этого могут извлечь турки, всегда по любым предлогом, как известно, обвиняющие Грецию в том, что она — страна анти-демократическая?…

Да, как бы мы сами не подали повод для такой критики, раз уж «клир» чуждых конфессий принимается как таковой в монастырях, тогда как клирики Старого Календаря — нет! Увы, события, происшедшие перед захватом Царицы Городов, повторяются. История должна нас учить всему, господин Премьер-министр, что Бог благословляет нас, греков, только тогда, когда мы храним неповрежденную Православную Веру, никогда не ухудшая чистое вино будь то под предлогом ложной любви и анти-канонической икономии, или ещё хуже, в надежде на материальные выгоды!…

Наконец, все мы, отцы — жертвы гонений, высказываем пожелание, чтобы вы возжелали бы завета Божия, а не дружбы с сильными земли. Мы же едиными усты с Константинопольским Патриархом Геннадием Схолларием Исповедником говорим: «Я не отрекусь от тебя, дорогое Православие; я не предам тебя, благочестие моих предков… И я отвергну навсегда общение с Папой и с теми, кто общается с ним, как отвергли наши Отцы».

В заключение мы вас горячо просим:

1.Отменить незаконные изгнания православных монахов, изгнанных лишь за то, что они сохраняли Православную Веру.

2.Приказать прекратить разнообразное давление, вот уже двадцать лет оказываемое на православный монастырь Эсфигмену и которое недавно еще более усилилось под вашим управлением. Широко распространяются слухи о том, что все готово к полному гонению.

3.Не пропустить закон, запрещающий монахам, изгнанным со Св. Горы за свою православную веру, вернуться в место их покаяния и возвратиться на Афон.

4.Позволить отцам-зилотам Св. Горы постригать кого-нибудь и передавать им свое имущество, в чем им теперь отказывают монастыри Св. Горы!

5.В том, что касается нас, мы, насельники Эсфигмену, не принимаем насилия, каково бы оно ни было и от кого бы оно не исходило, и мы не покинем наше Покаяние [89],

как делали Святые Мученики при Векке, предпочитая смерть предательству, даже самому малейшему, Православной Веры.

Со всем подобающим вам уважением.

Подписи: игумен св. монастыря Эсфигмену архимандрит Евфимий и братия св. монастыря Эсфигмену. Следуют подписи сорока девяти монахов ипяти послушников Эсфигмену, затем монахов Керасма, скита св. Василия, скита св. Анны и других монастырей: Ивирон, св. Нила, Карулы, св. Константина, Нового Скита, Катунакиа, Кареи, Капсала, свв. Архангелов, Симонопетра, Кавсокаливита, св. Георгия Brebis,св. Димитрия, Честнаго Предтечи, св. Никодима, Введения Богородицы, св. Хараламбос, Кутлумуссиу и т.д. Всего 164 подписи подтвердили это письмо, опубликованное в специальном номере афонской периодики Hagios Agathangelos или Agathange, издаваемой зилотским монастырем Эсфигмену.

Agathange, спец. выпуск, № 130 А, 23 мая 1992.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ОБ ОТЦЕ ЕФРЕМЕ

Введение

Особенно подчеркнем, что изгнание монахов из скита Ильи Пророка было частью плана по успокоению Афона и ликвидации любыми средствами всех несогласных голосов. Это было также местью после скандала, вызванного известным игуменом Св. Горы о. Ефремом из монастыря Филофеу, перешедшим под омофор Русской Зарубежной Церкви после того, как он раскрыл духовное состояние греческого архиепископа Америки. Чтобы отомстить этому игумену и запугать его, нео-афониты заодно с патриаршим синодом объявили Русскую Зарубежную Церковь «безблагодатной» и находящейся «вне Церкви». Это заявление нескольких игуменов, происходящих из чуждых Афону братств и прикрытое тысячелетним авторитетом Св. Горы, вызвало ответные реакции.

В Lumiire du Thabor о. Амвросий Фонтрие опубликовал заявление нео-афонитов и письмо протеста, предпослав им введение, которое является последним написанным им церковным текстом. Ниже мы перепечатываем его полностью, исповедуя вместе с нашим духовным отцом то, что исповедует Синодик Православия:

«Всем действиям и новшествам, которые были или будут совершены вопреки преданию Церкви и учению святых и честных отец наших или примеру, от них данному: анафема!»

Вечная память отцу Амвросию!

НЕО-АФОНИТЫ
осуждают Русскую Зарубежную Церковь

Нео-афониты осуждают Русскую Зарубежную Церковь за то, что она приняла в свою юрисдикцию о. Ефрема со Св. Горы.

После того, как он оставил бремя своего игуменства в св. монастыре Филофеу и получил от своего монастыря каноническое отпускное письмо, о. Ефрем отбыл в Америку, где его ждали духовные чада. Но вместо того, чтобы представиться архиепископу Иакову [90] и архиепископу Канады Сотириосу, он проследовал прямиком в Синод РПЦЗ.

Поступок о. Ефрема должен был вызвать неистовый гнев нео-афонитов, которые мгновенно отреагировали и своим исполненным «исихастского безмолвия» пером написали патриарху Димитрию письмо, которое читатель прочтет ниже, где они бесповоротно осуждают Русскую Зарубежную Церковь, называя ее «раскольнической», «околоцерковной» организацией, «которую не признает ни одна Православная Церковь» и т.д. …

Получив это письмо, Фанар послал на Св. Гору комиссию, прибывшую в субботу 2 июня 1991.

4,5 и 6 июня проходили заседания смешанной комиссии, составленной из фанариотов, игуменов и представителей монастырей. Тлетворными чернилами были испачканы многие листы бумаги против о. Ефрема и была организована его встреча с игуменами-экуменистами, на которой было решено, что о. Ефрем поедет объяснятся в Фанар. Патриархией был дан зеленый свет для его отправления в Фанар. В Фанаре о. Ефрем, объятый страхом и трепетом, высказал сожаление о своем поступке и вернулся в экуменическую церковь, движущуюся к новому міровому порядку.

Нео-афониткая экклисиология тенденциозна, как может заметить читатель обсуждаемого послания. Следуя папистскому менталитету, она хочет навязать Константинопольской церкви вице-папство: «Константинопольская Церковь, — пишет редактор письма, — образует вместе с Поместными Церквями Православие». Но ни Писание, ни Соборы, ни Отцы не оставили следов такой экклисиологии. Там, где епископ, право правящий слово Истины, вместе со своей паствой идущий по стопам Святых Отцов, там Церковь Христова. Горе нам, если вместо того, чтобы видеть Церковь в епископе, проповедующем и исповедующем Истину, мы видим в том или другом епископа только потому, что он — патриарх большого города, пусть даже Царствующего Града, но остаемся безразличными к тому, что он проповедует! Мы идем вместе с ним в темницу души нашей. Сколько раз Константинопольская патриархия, «вершина Православия» как говорят сегодня, не впадала в ересь? Сколь часто она нарушает правила, предписанные тем не менее с высоты ее престола? Богослужение Синодика, являющегося хартией Православия, подвергает страшной анафеме:

«Всем действиям и новшествам, которые были или будут совершены вопреки преданию Церкви и учению святых и честных отец наших или примеру, от них данному: анафема!»

Итак, календарь принят Церковью по преданию, как по преданию она приняла и почитание святых икон. Произвольно меняя календарь в начале нашего века для совершения христианских праздников вместе со всеми «Церквями» и христианскими конфессиями, Константинопольская церковь внесла в тело Церкви неизлечимую болезнь. Она разрушила литургическое единство Православной Церкви и этим открыла путь синкретическому экуменизму, который она проповедует и практикует сегодня.

Патриарх Афинагор ясно заявил уже много пятилетий назад: «Мы ошибаемся и погрешаем, если считаем, что православная вера низошла с неба и что другие религии тщетны. Триста миллионов избрали Ислам, чтобы приблизиться к своему Богу, а другие сотни миллионов — протестанты, католики, буддисты. Целью любой религии является облагораживание человека». Итак, патриархи Димитрий и Варфоломей — верные ученики Афинагора — имеют заслугу открыто объявить в своих интронизационных речах свое намерение идти по стопам своего знаменитого предшественника.

Ниже мы приводим два документа:

1.послание нео-афонитов покойному патриарху Димитрию.

2.ответ одного христианина из Фессалоник, понявшего саму суть дела благодаря напоминанию некоторых фактов и дел Фанара, являющихся предательством Православия.

Отец Амвросий Фонтрие

I

Священный Кинот
Св. Афонской Горы

Карея, 8 мая 1991

Его Всебожественной святыне

Вселенскому патриарху

Господину кир Димитрию

нашему всепочтеннейшему Отцу

и владыке Фанара

Всесвятой Отец и Господин.

Со скорбью и изумлением наш священный кинот узнал теперь официально о входе бывшего игумена св. монастыря Филофеу архимандрита Ефрема в раскольническую и около-церковную «группу», называемую Русскими Диаспоры, не признаваемую ни одной Поместной Православной Церковью. И совершенно справедливо спросить, каким образом бывший игумен позволил своей совести — тот, кто в течение лет с позволения и терпения священного Архиепископа Америки подвизался как духовник в Поместной Церкви Его Высокопреосвященства Архиепископа кир Иакова, находящегося в юрисдикции вселенского престола, стяжав таким образом множество духовных чад в приходах и церквях, канонически подчиняющихся Архиепископу кир Иакову с которым он был в духовном общении столько десятилетий и более — как этим самым чадам, которым он советовал тогда пребывать в послушании Церкви, и принимавшим её св. таинства, как он посоветовал им, теперь таким непокорным,

отделиться от Архиепископа, чтобы присоединиться к этому около-церковному самочинному сборищу?

Ваша Святыня знает, конечно, что эти люди Русской Диаспоры, находясь в безопасности на чужой земле, до сих пор строят из себя исповедников и до сих пор продолжают обвинять Русскую Церковь-сестру во вступлении в компромисс с безбожным режимом, в то время как она стремилась укрепить верующих в России и сохранить открытыми святые церкви с опасностью для самой жизни её членов, десятки тысяч которых смело приняли мученическую смерть, тогда как те её избежали, эмигрировав за границу. Сегодня, когда в России веет ветер свободы, они проникают на территорию юрисдикции Московского Патриархата, «рукополагая клириков» и угрожая новым расколом Русской Церкви. И это те, к которым бывший игумен Ефрем, к несчастью, присоединился.

Наш священный кинот, тщательно последуя решениям двойного чрезвычайного священного синаксиса последнего апреля, осуждает бесповоротно и единодушно присоединение бывшего игумена Ефрема к вышеназванному пара-церковному самочинному сборищу.

Также он призывает всех чад св. Архиепископа Америки оставаться верными этому архиепископу и вселенской патриархии, зная, что Константинопольская Церковь со всеми Поместными Православными Церквями, находящимися с ней в общении или административно или духовно от неё зависящими, отождествляет себя с Единой Святой Кафолической и Апостольской Церковью Символа Веры. Вне её есть только расколы и ереси. Вне её нет ни действительных таинств ни благодати Божией, согласно православной экклисиологии. «Вне Кафолической Церкви, то есть Православия, нет ни крещения ни евхаристии ни епископов ни «кафедр» ни истинного учения…», согласно св. Киприану Карфагенскому.

Итак, о всесвятейший господин, остается вам и вашему святому и священному синоду принять все меры для спасения единства паствы архиепископа Америки и уберечь её от смертного падения вышеупомянутого игумена, оказавшегося вне Церкви просто-напросто только для того, чтобы осуществить на полной свободе свои личные ошибочные планы, сбросив ярмо послушания Церкви, которая его постригла в монахи и рукоположила во пресвитера и повиноваться которой он обещал до смерти при принятии им своих монашеских обетов на Св. Горе, которую он покинул.

Кто ему поручил спасение народов? Разве церковь Америки лишилась канонических пастырей, епископов и священников? От кого он получил благословение? Пусть он представит имена известных афонцев, посоветовавших ему так поступить. Мы спрашивали их всех и все они отзывались сурово и клеймили его поведение, считая, что он находится в прелести.

Чему обязано его падение и оставление своих духовных чад на Св. Горе, которых он приводил к страшному алтарю Великой Церкви, епископом которой является вселенский патриарх? Кто мог бы нам подтвердить, что его «внутреннее откровение» не было демонской прелестью, ибо Сатана преображается в ангела Света?

Со всеми непрельщенными святыми отцами, угождающими Богу на Св. Горе, мы повторяем осуждение его действий и просим ваших патриарших и отеческих молитв, с

глубоким уважением и сыновней почтительностью мы лобызаем Вашу честную десницу, источник, полный благодати.

Все делегаты и начальники общего Синаксиса

двадцати священных монастырей Св. Горы Афонской

Ecclesia, 1/ 14 июля 1991, № 11, 391.

II

ПИСЬМО ПРОТЕСТА

Священному Киноту Св. Горы по поводу всего того, что он написал против о. Ефрема

Преподобные Отцы.

Поводом моего теперешнего обращения к вам послужила публикация в газете Ecclesiastiki Aletheia (Церковная истина) от 1/7/91 письма Свящ. Кинота относительно перехода бывшего игумена св. монастыря Филофеу о. Ефрема в Русскую Зарубежную Церковь.

Я познакомился с его публикацией с некоторым опозданием, так что я прошу ваши преподобия извинить меня за все то, что я хочу написать ниже.

По правде говоря, я был удивлен содержанием письма Свящ. Кинота. Употребленные его редактором выражения тяжелы, его характеристики о. Ефрема недопустимы. Вы говорите, что он «оказался вне Церкви просто-напросто только для того, чтобы осуществить на полной свободе свои личные ошибочные планы, сбросив ярмо послушания Церкви; что он находится в прелести; что своим поступком он обнаружил свое смертное падение» и т. д. …

Почему, отцы мои, почему столько ненависти к о. Ефрему? Что плохого он сделал? Этот человек искал церковной поддержки и ничего более, чтобы создать в Америке монастыри по Афонскому образцу, чего ему не позволил сделать ни Вселенский Патриарх, ни Иаков Американский [91].

Из-за этого вы называете его сущим «в прелести»! Можете ли вы мне сказать, в чем состоит прелесть и каковы признаки её?

Как вы можете судить о поступках человека, который, в то время когда Афонской Горе угрожала опасность совершенно обезлюдеть, стал возобновителем современного афонского монашества и который, благодаря своему священному духовному сиянию и святости, населил монастыри Св. Горы и большое число женских монастырей на греческой земле?

Почему, отцы мои, почему вы лжете, когда говорите, что поступок о. Ефрема «был осужден единодушно всеми непрельщенными и угождающими Богу святыми отцами».

Ведь известно, что игумен монастыря Констамониту покинул Двойной Священный Синаксис в знак протеста против всяких обвинений, выдвигаемых против о. Ефрема.

Представитель монастыря Филофеу о. Ефрем (не путать с вышеназванным о. Ефремом) горячо протестовал против ужасных обвинений, выдвинутых против его Старца.

Святые монастыри Ксиропотаму и Каракаллу со многими из здравомыслящих были несогласны.

Св. монастырь Эсфигмену не принимал участия.

Итак, как вы можете утверждать, что было единодушие?

Были ли опрошены Скиты? Были ли представители хоть одного из них?

Простые монахи из общежительных монастырей были ли опрошены?

Откуда столько злобы, отцы мои?

Как произошло, что в тот же самый день, во время собрания Двойного Свящ Синаксиса, светские газеты заранее опубликовали решение осудить о. Ефрема, а Афинское информационное агентство было уведомлено об этом своим константинопольским корреспондентом?

Предполагая даже, что о. Ефрем находился в прелести, где же любовь к вашему заблудшему брату? Где ваши слезы? Где ваши мольбы к Богу о его возвращении?

Увы, кажется, что все сие было для вас не более чем лопнувшие мыльные пузыри. Своими поступками вы явили свое подлинное лицо. Несмотря на ваши клеветы, солнце продолжает светить, сиять, согревать чистые и искренние сердца и поедать совершенно все другие, исполненные страстей, сердца.

Почему, отцы мои, вы не проявили той же ревности против всех дел и поступков, происшедших в церковном міре?

Я приведу из них некоторые примеры, чтобы освежить вашу память, если вы забыли.

10/12/87 покойный патриарх Димитрий, проезжая Женеву, заявил, что его визит во ВСЦ будет вершиной его путешествия. ВСЦ есть наш дом! Согласны ли вы со всем этим?

Согласны ли вы с визитом покойного патриарха в Рим в декабре 1987, с его совместными молитвами с Папой Иоанном-Павлом и с заупокойным богослужением, совершенным им на могилах пап Иоанна XXIII и Павла VI, и особенно со всем тем, что он без всякого протеста выслушал из уст самого Папы, а именно, что Католической и Православной Церквям была дана благодать признать вновь одна другую как Церкви-сестры и идти к полному общению?

Согласны ли вы с отказом православных исповедать в общем коммюнике пленарной ассамблеи Смешанной богословской Комиссии по Диалогам между Православной и

Римо-Католической Церквями во Фряйзинге, Мюнхен, в июне 1990 исключительность Православной Церкви — её исповедания, сотериологии, её экклисиологии? Это коммюнике объявило, что наши Церкви сошлись на экклисиологической основе общения между Церквами-сестрами.

Согласны ли вы с коммюнике Комиссии по координации Богословского диалога между Католической и Православной Церквями, где стоит вопрос о новом типе экклисиологии, поскольку там присутствует отрывок из положения, где каждая Церковь объявляется равноспасительной, исходя из убеждения, что две Церкви, Католическая и Православная, это Церкви-сестры?

Согласны ли вы с богохульствами, произнесенными и соделанными в Канберре в Австралии в феврале 1991?

Согласны ли вы со Стилианом Австралийским, этим новым Казанцаки [92], и со всеми богохульствами, которые он изрыгнул против богочеловеческого Лица Господа?

Согласны ли вы со славословием, совершенным Иаковом Американским с тремя представителями Вселенской Патриархии во время визита патриарха Димитрия в Америку, в котором участвовали имам, папский делегат, раввин, англикане и многие другие инославные?

Согласны ли вы с общей пан-религиозной молитвой в Ассизи, Италия, в октябре 1986?

Согласны ли вы с паломничеством в еретическое братство Тэзе трех епископов вселенского престола со специальным поздравительным адресом Патриарха?

Известный богослов М. Николас Сотиропулос в статье, опубликованной в Orthodoxos Typos, пишет, что Стилиан Австралийский своими еретическими мнениями нисколько не удивил монастыри Св. Горы, которые встали в оппозицию к Иерусалимскому Патриарху и поддержали Стилиана и его сообщницу Константинопольскую патриархию.

Н. И., Фессалоники

Orthodoxos Typos, 15/11/91, № 152.

---

[1] Великая Лавра — самый древний монастырь Афона, основанный св. Афанасием в X в.
[2] Известно, что Кальвин сжег Мишеля Сервета, отрицавшего Троицу. Кальвинисты часто были приверженцами религиозных преследований, хотя они сами стали их жертвами во Франции. Так, для Jurieu, великого врага сочинения Bayle (см. далее), католики не имеют права преследовать, поскольку их учение ложно, но кальвинисты могут использовать насилие, поскольку их вера правильна.
[3] Политический августинизм — это политико-религиозная доктрина, основанная на двух принципах епископа Иппонского : 1. Церковь имеет право прибегать к силе, чтобы заставить войти в нее тех, кто отделились от нее; 2. Избранники —

единственные законные наследники земли. Первая аксиома оправдывает преследования, вторая — завоевательные войны «во имя Христа» (Фернандо Кортес и т.д.).
[4] J. Locke, Письма о Терпимости, 1686-1687. Первое издание было в 1689. Критическое издание: R. Klibansky, Paris, 1965; самое новейшее издание с введением P. Verniire : Genive, 1980.
[5] Философский комментарий на слова Иисуса Христа «Понудьте их войти», где доказывается многими доказательными доводами, что нет ничего более отвратительного, чем обращения под страхом и где опровергаются все софизмы обратителей о принуждении и апология, которую св. Августин составил для гонителей, 1686; перепечатано в Различные труды, т. 2, LaHaye, 1727, с. 355 и далее.
[6] Трактат о Терпимости, написанный по поводу смерти Жана Кала, 1763 в Oeuvrescomplites, Paris, 1879, p. 39-40. Философский словарь, Женева, 1764, говорит: «Что такое терпимость? Это достояние человечества» (ст. Терпимость).
[7] Мф.10, 32-33. Согласно св. Иоанну Златоусту, выражение «исповедать Меня» подразумевает синергию, сотрудничество человеческой свободы и благодати, дающей человеку силу. «Исповедать Христа» означает, т.о., не исповедать Христа как я хочу, но исповедать Христа как Он хочет, и исповедать со Христом и содействием Его благодати.
[8] Тертуллиан писал: «Итак, предоставьте одним покланяться истиннму Богу, а другим — Юпитеру; одним подымать руки к небу, а другим — к жертвеннику веры; одним исчислять, как вы говорите, облака, а другим обозревать сети свода небесного; одним приносить в жертву Богу себя самих, а другим козла. Берегитесь, чтобы не сочтено было за некоторый род безбожия, когда вы отымете свободу богопочитания и выбор божества, когда не позволите мне покланяться тому богу, какому я хочу, и станете принуждать меня покланяться такому богу, какому я не хочу. Какой бог потребует себе насильственных почестей! Человек даже их не пожелает». (Apologeticum, 24). «Одну религию, — писал он еще Скапуле, проконсулу Африки, — должно лобызать по убеждению, не насильно; ибо приношения Божеству требуют расположения сердца».
[9] Этот тип экстремизма был раз навсегда осужден Самим Господом нашим Иисусом Христом, Который сказал Петру в Гефсиманском саду, когда пришли Его арестовать : «Вложи свой меч в ножны».
[10] Митрополит Афанасий, приказавший выгнать монахов из скита Ильи-Пророка, не представил им ни одного церковного или хоть сколько-нибудь традиционного аргумента.
[11] Были различные пути для сглаживания противоречия, которое такое отношение, кажется, развивает. Например, sйdйvacantistes признают непогрешимость папы, но допускают, что Римская Кафедра на самом деле вакантна, нынешний папа занимает ее только как узурпатор.
[12] Само понятие такого центра веры противно канонам Соборов и сознанию Церкви.
[13] Основная идея та, что для православных не существует exopereoperato, ни передачи священства вне исповедания истинной веры. См. главу 3.
[14] Профессор Муратидис, профессор Канонического Права в Афинском Университете, пишет : «К счастью, Православие никогда не отождествляется с патриархами, кем бы они ни были, в отличие от папизма. В соответствии со знаменитым ответом Православных Патриархов папе от 6 мая 1848: Хранитель Православия, тело Церкви, это сам народ». (ПравославныйКатехизис, 5,17).
[15] Fr. Maximos, Monk of Great Lavra, Human Rights on Mount Athos, an Appeal To the Civilized World, Stylite Publishing, Welshpool, Powys, 1990.

[16] Традиционный календарь Православной Церкви является приспособлением библейского лунного календаря к юлианскому календарю Римской Империи. Отцы, прекрасно зная о его астрономических «недостатках», приняли его, чтобы решить споры о дате Пасхи, которую они также установили на долгое время. Церковь — это не обсерватория. Единый календарь для всех Поместных Церквей был нужен лишь для того, чтобы всем совершать праздники в одно и то же время, являя этим литургическое единство. Православная Церковь отвергла календарь папы Григория VII, к тому же столь же астрономически ошибочному, на Константинопольских Соборах 1583, 1587 и 1593, принятых всеми Православными Церквями. См. Callinique l'Hйsychaste, Paris, 1988, p.78-83.
[17] Монастыри-идиоритмы отличаются от общежительных монастырей или киновий тремя признаками: 1) в первых нет игумена, одного на весь монастырь, но есть много небольших братств, каждое под управлением старца; 2) нет общих трапез: каждое братство запасается по своим нуждам и часто они приглашают друг друга к себе; 3) общежительные монахи теоретически не имеют права приобретать имущества или завещать его кому-либо, кроме своего монастыря, но обет нищеты лучше соблюдают монахи-идиоритмы.
[18] На теперешнем Афоне скит — это монастырь, или группа монашеских келий, со своей администрацией и законно зависимая от одного из управляющих монастырей. Скиты предусмотрены быть идиоритмичными; однако, для того, чтобы не-греков удалить из Свящ. Кинота, четыре больших не-греческих общежительных монастыря были объявлены «скитами». Будучи идиоритмами или общежитиями, скиты не могут менять статус (ст. 143 Хартии). Наконец, нужно отметить, что две трети афонских монахов живут в скитах или в пустыньках, т. е. по идиоритмичному образцу.
[19] Книга о. Максима была опубликована в 1990. За прошедшее время в странах Востока ситуация улучшилась в смысле большей либерализации. Тем не менее, в нынешней России не прекращаются гонения, более или менее сильные. Так, в Санкт-Петербурге мы видели часовню свободной Российской Церкви, подчиняющейся Митрополиту Виталию Нью-Йоркскому, устроенную в погребе, так как патриарх Московский Алексий II потребовал от бывших коммунистических властей Петербурга применить максимум административных препон к этой Церкви, не желающей зависеть от Московской патриархии, ее тяжелейшего компромисса с коммунизмом и КГБ.
[20] Книга монаха Максима была написана тогда, когда еще коммунизм служил удобным оправданием для преследования монахов из стран Востока.
[21] Например, по вопросам календаря или экуменизма. Добро, — говорят Отцы, — является добром только если оно сделано по-доброму. В руках игуменов нео-афонитов послушание и бегство из міра становятся порабощением и злой подменой.
[22] Недавно, по настойчивому требованию Московского патриарха, нескольким монахам из Троице-Сергиевой Лавры было разрешено войти в братию Свято-Пантелеимонова монастыря. — прим. пер.
[23] Согласно традиции, те, кто хочет стать монахами на Афонской Горе, должны принять монашеский постриг от рук афонского монаха. Любой, постриженный в монашество в другом месте, должен, в принципе, оставаться на месте своего покаяния, то есть в своем монастыре.
[24] Правительство Св. Горы, совет, образуемый представителями двадцати главных монастырей, сведено сегодня фактически к девятнадцати из-за незаконного исключения монастыря Эсфигмену. Он был исключен другими за то, что он отверг теорию ветвей, проповедуемую Константинопольской патриархией.
[25] Фанар — это резиденция Константинопольского патриарха.

[26] Григорианский календарь явно противоречит постановлениям о дате Пасхи 1 Вселенского Собора в Никее в 325.
[27]Окружное послание Православных Патриархов (1848).
[28] См. приложение 2.
[29] Священное облачение православного епископа, символ стада, которое он пасет и охраняет от волков.
[30]О всех этих реакциях см. Протесты православного міра на визит патриарха Константинопольского к папе Римскому в декабре 1987, Париж 1986, а также русское издание.
[31] См. La Lumiire du Thabor, № 6, Paris, 1985, p. 109.
[32] Ecclesiasticos Agon № 261, сентябрь 1990.
[33] Agathangelos№ 120, июль-август 1990.
[34] Римлянами язычниками, признававшими всех богов, не веря по-настоящему ни в одного. Они были не терпимы, но безразличны в религиозных вопросах, заботясь лишь о признании их земной империи. Христиане отвергали культ императора.
[35] Об этих ересях, их догматическом смысле и их отвержении православными см., например, Н. Тальберг История христианской Церкви, М. 1997.
[36] Читатель удивится, увидев, как обращение св. Павла истолковано Августином в терминах насилия, и использовано им для оправдания преследований. Но, тогда как в обыденном понимании благодать и насилиеисключают друг друга, они соединяются в августинизме. Вот как один августинист XVII-го века, о. Мерлин, защищает это место против критики Bayle: «По поводу насилия, причиненного Иисусом Христом св. Павлу, лишившего его зрения и повергшего на землю, св. Августин упоминает для того, чтобы убедить своего противника, что насилие является видом внешней благодати, которая своим способом и посредничеством сопровождающей её внутренней благодати, способствует изменению сердец и располагает их к искреннему обращению. Отсюда св. учитель стремится заключить, что часто для того, чтобы убедить злых, их нужно принуждать к добру» (Migne, PL 47, Paris, 1849, 1005).
[37] Письма св. Августина, вторая часть, № 93 (по-старому № 48), Migne, PL 33, 1845, 323.
[38] См. W. F. Arndt и F. W. Gingrich, A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature, The University of Chicago Press, 1957, p. 51-52, слова anagkazo и anagke.
[39] Толкование на Евангелие от Луки, 54, на Лк. 14,23, изд. Ch.F.Matthaeus, Euthymii Zigabeni Commentarius in Quatuor Evangelia, t.2, Lipsiae 1792, p.517.
[40] Об этом св. Отце, называемом также Феофилактом Охридским, см. D. Obolensky, Six Byzantine Portraits, Oxford, 1988, p. 34-82.
[41] Св. Феофилакт Болгарский, Толкование на Евангелие от Луки,Migne, PG 123, 940.
[42]Толкование на Псалмы, псалом 9, 7 (стих 17), PG 55, 132-133.
[43] Апостолы учредили епископов, чтобы «бдеть над» (episcopein) разумным стадом Христовым. Епископы, в свою очередь, рукополагают других епископов вплоть до наших дней. Епископ обладает апостольским преемством, когда он принимает свой сан от православных епископов, епископство которых через продолжающуюся цепочку законно рукоположенных епископов, восходит к Апостолам. Несториане, римо-католики и т.д. не имеют апостольского преемства, потому что преемство их рукоположений восходит к епископам, некогда отступившим от веры.
[44] См. Агапий и Никодим, Pedalion, , семнадцать канонов Двукратного Собора, бывшего в церкви Св. Апостолов. Англ. изд. : D.Cummings, The Rudder, Chicago, 1957, c.471.

[45] Некоторые защитники Константинопольской патриархии наивнопопытались предположить, что этот канон позволяет отделяться, но не обязывает! Богослов А. Каломирос показал ложность такой интерпретации: «Что ж, предположим, что правило действительно гласит так: «Если клирик отделяется от такого епископа до соборного решения, он не совершает нарушения и не может на этом основании быть наказан, но напротив, он достоин похвал». Так, прекрасно. Если это допустимо, то почему же тогда афонитам препятствуют прекратить поминовение и тем самым удостоиться похвал? Чем согрешили бы эти афониты, вычеркнув из диптихов имя Димитрия и поминая вместо него «всякое епископство ПРАВОСЛАВНОЕ»? Достойны были бы они похвал или нет? Допускается, что да. Но тогда почему им не позволяют прекратить поминовение? Почему их запугивают, говоря, что, отделившись, они тем самым устроят раскол?…. Кто после прочтения этого текста может утверждать, что тот, кто не станет отделяться от епископа-еретика, но сохранит общение с ним, сделает хорошо? Кто осмелится когда-либо утверждать, что следующий за лже-епископом поступает хорошо? Кто дерзнет когда-либо утверждать, что тот, кто сослужит со лже-епископом, преподает верным истинные Тело и Кровь Христовы? Кто станет уверять, что рукоположенный лже-епископом действительно является священником? Надо быть синкретистом, экуменистом, отрицающим Православную Веру, чтобы утверждать подобные вещи. Ты знаешь, что твой епископ — не епископ, — и ты продолжаешь поминать его; не насмехаешься ли ты таким образом над Богом? Ты знаешь, что твой епископ не имеет благодати священства и не может совершать таинства, как же ты поминаешь его при совершении таинств? Так обязательно XV-е правило или нет?» (см. La Lumiиre du Thabor, № 30, 1991, с.39-41.
[46] Например, в евхаристии материей является хлеб и вино, а формой — установительные слова. Фома Аквинский, которому Католическая церковь обязана своей доктриной, утверждает, что священник, произносящий над хлебом и вином, вне всякого литургического контекста, слова «сие есть Тело Мое, сия есть Кровь Моя» с намерением (интенцией) освятить их, совершает действительно преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христа. Такой священник «тяжело погрешает» против Церкви, но таинство, хотя и с точки зрения Церкви «незаконное», будет тем не менее действительным (SummaTheologica , IIIa, q.78,1,4). Здесь присутствует разделение между Церковью и таинством.
[47] Magister militum per orientem.
[48] Факт, что в видении Нестория интронизировали міряне, показывает, что тот, кто становится еретиком, теряет апостольское преемство, даже если он формально был рукоположен двумя или тремя епископами.
[49] Поэтому не Поместная Церковь, какая бы она не была, является критерием веры, но, напротив, вселенская вера является критерием церковности любой Поместной Церкви. См. об этом комментарий Гетте на знаменитую фразу св. Иринея Лионского (Против Ересей, III,3), в которой хотят видеть утверждение того, что Рим по природе был центром истинного учения, с которым все были обязаны согласовываться. Напротив, св. Ириней показывает православие Римской Церкви в то время из ее согласия с повсюду принятой верой : В. Гетте О папстве.
[50] V. Laurent et J. Darrouzès, Dossier grec de l’union de Lyon(1273-1277), Archives de l’Orient chrétien 16, Institut français d’études byzantines, Paris, 1976.
[51] Письмо святогорцев Императору (1275), op. cit., p.394.
[52] Ibid.,p. 500-501.
[53] Ibid., p.332-333.
[54] 1 Кор. 2,16.

[55] См. PG 137, 56-57, также правила 9 Карфагенского Собора (PG 138, 51-52), 6 Антиохийского Собора, 13 Сердикского Собора. Последнее замечание проясняется, при сопоставлении с следующим правилом, относящимся к еретикам, то есть к отлученным за лжеучение.
[56] Изверженный клирик имеет право приходить вцерковь и причащаться, но не имеет права служить. Если он принимает свое извержение, с ним продолжают молиться, как с верным.
[57] См. Вальсамон, loc. cit., также Зонара и Аристин, Ibid., col. 57-60.
[58] Слово eucheможет означать молитву (но обычно используется proseuche) или желание. «Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его» (2 Ин. 10-11). Также запрещено принимать «приветствие» от еретиков, согласно Вальсамону.
[59] Вальсамон, loc. cit., col.129.
[60] Св. Киприан, Письма, 1,8. См. также Тертуллиан О прескрипциях еретиков, 12.
[61] См. прим. 58.
[62] См. La Lumiıre du Thabor, № 34, Paris, 1992, p.77.
[63] Ibid., col.129.
[64] PG 137, col.164-168. Толкователиотсылают к следующим канонам : 79 Апостолов, 29, 31, 32, 37, и 38 Лаодикийского, 60 Карфагенского.
[65] The Lives of Pillars of Orthodoxy, изданиеМонастыряСв. Апостолов, Buena Vista, Colorado, 1990, p.288.
[66] Как это напоминает о. Иустин Попович в начале своего жития св. Фотия: «Наши богоносные отцы, устроившие в Церкви Божией все так, как угодно Богу, оставили нам в священное наследиеэто предписание, полученное ими свыше и преданное св. Апостолами: нет ничего выше исповедания и защиты Истинной Православной Веры…Действительно, Истина — это Сам Бог, и для нас, человеков, любовь и исповедание этой Божественной Истины — в чем и заключается Истинная Вера Церкви — есть освобождение, спасение и просвещение» (SaintPhotios, OeuvresTrinitairesI, Paris, 1989, p.19).
[67] Michel Aubry, Saint Paissius Vélichkovsky, L’Age d’Homme, Lausanne, 1992, p.96.
[68] Irénikon, t.64, 1991 №3, p.449-450.
[69] Что противоречит единству, основанному на вере.
[70] Когда бы они спорили с раскольниками и еретиками, никогда Отцы не упоминали единство с Римом как критерий православия, но анализировали их учения и сравнивали их с общей верой.
[71]»Я прекрасно знаю, — пишет св. Григорий, — что этот титул был дан Вашей Святыне приближенными, которые льстят и обманывают вас», см. op. cit. в прим. ниже, стр.118.
[72] Письма Св. Григория, 5,20, перевод и комм. В. Гетте, О папстве.
[73] Pиre Justin Popovitch, L’homme et le Dieu-Homme, L’Age d’Homme, Lausanne, 1989, p.120-123.
[74] Ibid, p.124-125.[lxxiv] [75] О божественных именах, 7,3,873 A.
[76] См. John Romanides, The Ecclesiology of St Ignatius of Antioch, Atlanta, 1956.
[77]Епископ Стефан Назианзский исполняет свои обязанности в Нике, митрополит Иоанн Пергамский на самом деле проживает в Англии, и т. д.
[78] Энциклика 1848 г., § 21. См. Догматические послания православных иерархов XVII-XIX вековo православной вере, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995, стр.238-239.
[79] Ibid, § 20, op. cit. стр. 237.
[80] Энциклика 1895 г., § 24, op. cit., стр.266.

[81] Ответ на третье письмо секретаря Всемiрной Конференции Епископальной церкв Америки, текст датирован 16 июля 1916.
[82] Православная Церковь и экуменизм, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.
[83] См. La Lumiire du Thabor, № 5, Paris, 1985, Editorial.
[84] «Сегодняшний мiр весь стремиться к сотрудничеству, воссоединению…мы видим усилия М. Горбачева и Дж. Буша; они показали нам путь» (LaCroix от 28 марта 1992).
[85] См. I. Andreyev, Russia'sCatacombsSaints, LivesoftheNewMartyrs,SaintHermanofAlaskaPress, Platina, Californie, 1982 или по-русски: протопресвитеръ Михаилъ Польскiй Новые мученики Россiйскiе, в 2-х частях, Джорданнвиль, 1957. Заметим, что монахи скита Ильи-Пророка являются членами Русской Зарубежной Церкви, которая не состоит в общении с Московской патриархией.
[86] Письмо о единстве Церкви в сб.: Христианства нет без Церкви, М. 1992.
[87] The Moncs of the West, Count de Montalembert, p.370.
[88] Episcepsis, 1 июля 1991, с. 9.
[89] Официальное представительство Константинопольской патриархии на Афоне.
[90] То есть: наш монастырь.
[91] Иаков Американский — второй после Константинопольского патриарха патриарх апостасии», известный своим сверх-экуменизмом, (уже в 1988 он заявил, что будет первым православным епископом, рукоположившим женщину-священника, а в интервью прессе 31 октября 1990 подчеркнул необходимость ревизии христианства), открыто исповедующий «теорию ветвей» и «теорию смерти Бога», молящийся со всеми еретиками и представителями любых религий, активно участвующий в ВСЦ и признанный греческими православными одним из предтеч Антихриста (см. Epignosis, июнь 1988). — прим. пер
[92] Очень быстро после перехода в РПЦЗ, возможно, под различными давлениями, о. Ефрем начал колебаться и написал на Афон, что РПЦЗ находится в общении со всеми и что он ушел от Иакова только по причинам разногласия в уставе богослужения. — прим. пер.
[93] Греческий писатель, автор сценария фильма «Последнее искушение Христа». — прим. пер.

http://krotov.info/history/20/krasnov/ranson.html

Оригинал перевода www.portal-credo.ru , 2004 г
